

ОДИН ЧЕЛОВЕК ХОТЕЛ СПРЯТАТЬСЯ

ТЕ, КТО УМЕР ДЛЯ ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО МИРА

КЛУБ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ

АЛЕКСАНДРА БАЎТ

ОТ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ПОПАД В МЕСТО, КОТОРОГО НЕТ

НА КАРТАХ И ТЕМ ХИВУТ

Александра Байт
Клуб пропавших без вести
Серия «Клуб анонимных
мстителей. Психологические
романы Александры Байт»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69822976
Клуб пропавших без вести: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-193548-1

Аннотация

Роман Александры Байт «Клуб пропавших без вести» продолжает интригу психологического сериал-детектива «Клуб анонимных мстителей».

Маргарита получает странное задание: взять интервью у человека, который мертв уже тридцать лет. На кону – должность главного редактора. Но после смерти соперника то, что начиналось как азартное журналистское расследование, вдруг превращается в опасное для жизни противостояние.

Подмосковная глубинка, где люди ищут покоя и тишины, оказывается, полна страшных тайн. И пусть некоторые из них уходят корнями в события тридцатилетней давности, есть и то,

что заставляет мысленно возвращаться к клубу психологической помощи и его злому Гению.

Выхода нет: придется обыграть призраков Графского леса, которых местные зовут «живыми мертвецами», и оставить прошлое в прошлом.

На чаше весов жизнь, в рукаве пара козырей, в сердце – таинственный поклонник. Что же станет выигрышем?

Содержание

Пролог	7
Глава 1	16
Глава 2	37
Глава 3	62
Глава 4	82
Глава 5	103
Глава 6	123
Глава 7	143
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Александра Байт

Клуб пропавших без вести

*Все персонажи и события являются
вымышленными.*

Любые совпадения с реально живущими или

жившими людьми случайны.

© Бузина А., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

– Видите ли, Рита, существует некая субординация. Команда. Чувство локтя, наконец, – громко проскрипел в ушах противный голос менеджера по персоналу, этой гарпии, строившей из себя «железную леди». – Вы числитесь в редакции вот уже несколько месяцев, но явно не разделяете принципы нашей работы. То, что для нас рейтинг, для вас «желтизна». Откуда эти совестливые призывы к «качественной журналистике»? Зачем ставить себя выше коллектива? И, в конце концов, если вся команда сидит до пяти утра, сдавая очередной номер, вас это тоже касается!

На этих словах я, доселе пребывавшая прямо-таки в змеином трансе, встрепенулась. Нет, это просто верх... всего!!! Наглости, цинизма, несправедливости! Глаза заволокло красной пеленой ярости, и мне вдруг стало совершенно все равно, что сейчас я потеряю свою не ахти какую должность.

– Прежде всего надо не сидеть, а работать. И делать это в отведенные сроки, тогда не будет необходимости сдавать номер в пять утра. Ежемесячный формат вполне это позволяет. Хотя если у вас заведено иначе, почему бы и нет? Я не против. Только вы и ваш дражайший коллега, – я кивнула в сторону главного редактора, хлопавшего глазками с обычным видом чудака, охлобученного пыльным мешком в темном переулке, – который месяц игнорируете мое присут-

ствие. Мне просто не дают работу – зато за спиной шушукуются, что я никак не могу себя проявить! В вашем расчудесном коллективе со мной не разговаривают – и как, спрашивается, мне понять, что нужно потрудиться сверхурочно?

– А это... это... – гарпия на мгновение смешалась, ведь сказала я чистую правду, – ...это надо чувствовать!

Все. Дальше можно было не продолжать. Я прекрасно знала все свои недостатки, и толстокожесть вкупе с отсутствием коммуникабельности в их число не входила. Меня самым банальным образом выживали – именно это, а не горячее желание моей профессиональной помощи, я здесь и чувствовала. И зачем я ухватилась за предложение знакомой, ценившей мои журналистские навыки, обратить внимание на этот проект? Для чего поверила посулам владельца серьезного издательского дома, решившего начать выпуск глянцевого журнала о знаменитостях? Да еще и нарисовала себе радужные перспективы, получив приглашение в пресловутую команду первой – даже раньше главного редактора?..

Моральная экзекуция была закончена. Мы ни о чем не договорились, да и распекавшая меня парочка явно не была расположена к конструктивному диалогу с «отступницей». Бросаться за защитой к издателю? Гиблое дело! Вопрос встанет просто: или я – или они. И, очевидно, выбор шефа будет не в мою пользу. Хотя бы из-за численного перевеса моих недоброжелателей.

Я поднялась и на ватных ногах зашагала к двери. На по-

роге меня нагнал главный редактор, наши взгляды встретились... Как-то моя лучшая подруга, психолог, рассказывала об исследовании своих коллег, признавших главным негативным чувством презрение. Не гнев и ненависть, а донельзя унижавшее неуважение самой отменной марки, этакое сконцентрированное пренебрежение. Вроде того, что, клянусь, совершенно произвольно в эту самую секунду отразилось на моем лице. Как говорится, получите и распишитесь. Такое не прощают. После этого мне оставалось лишь одно – уйти, сохранив остатки достоинства.

Добравшись до своего стола, я на автомате выключила компьютер и собрала те нехитрые вещички, что окружали меня на протяжении нелегких четырех месяцев. Пискнул телефон, и на экране высветилось сообщение от младшего редактора Катюши, сидевшей этажом ниже, – единственного человека, который отнесся здесь ко мне по-дружески: «Ну как???» С ней я могла обойтись без объяснений – подобно остальным добросовестным, а потому донельзя затюканным сотрудникам, которых здесь было наперечет, она не работала, а терпела. «Не могу больше. Ухожу», – напечатала я. В ответ тут же прилетело: «Не пори горячку, задержись хотя бы на десять минут. Шеф здесь, я постараюсь замолвить за тебя словечко».

Катюше я верила безоговорочно. Да и как могло быть иначе с этой кристальной чистоты девушкой, давшей мне немало дельных советов? В отличие от меня она терпеливо, с

улыбкой, сносила все придирки начальства. И, похоже, все-таки находилась на своем месте, раз всегда «чувствовала» правильно – и частенько просиживала над чужими заданиями до утра.

Хорошо, подожду. Пусть Катюша перехватит владельца издательского дома и изложит ему мою версию конфликта: я не лентяйка и не саботажница, мне просто не дают работать!

Уставившись в окно, я захлопала ресницами, чтобы не заплакать. Мой слог всегда хвалили – с какой же стати тут не доверяют написать ни строчки? Почему коллеги будто не слышат мои идеи, а потом, распахивая друг друга локтями, несутся к главному и излагают их же, выдавая за свои собственные? И, в конце концов, зачем в погоне за рейтингом скатываются на откровенно скандальные, а то и оскорбительные для героев материалы? Возможно, я излишне наивна, но можно ведь писать увлекательно и при этом достойно. Мне известно, как это делать, дайте только шанс!

Я с трудом высидела обещанные десять минут, вздрагивая от каждого шага за дверью. Собственно, так я и провела здесь все это время, тонко улавливая недовольство своей персоной и переживая насмешки коллег. «С чужими не работаю», – именно такую фразу, по словам Катюши, произнес приглашенный «со стороны» главный редактор, едва переступив порог издательства. Моя приятельница была «чужой» – вот и переехала этажом ниже, что свело ее контакты

с главным к минимуму. Я тоже была «чужой» – и не просто «чужой», а мозолившей глаза «чужой», перспективной, способной и честолюбивой «чужой». Вот меня и «ушли»...

– Маргарита, вы хотели со мной поговорить?

Погрузившись в невеселые раздумья, я и не заметила, как дверь бесшумно распахнулась и в облаке дорогущего парфюма в комнату вплыл издатель собственной персоной. Вальяжный, с горделивой поступью и густой гривой темных волос, он напоминал роскошного льва и теперь взирал на меня из-под тяжелых век с ленивой царственностью. Причем – вот сюрприз! – чуть ли не благосклонно.

– Разговаривать, собственно, не о чем. – Все, я пересидела, перегорела, и сейчас мне хотелось лишь одного: убраться отсюда поскорее. Не сводя с издателя метавших яростные молнии глаз, я резко выдвинула ящик стола, схватила заявление об увольнении, написанное еще месяц назад, и швырнула «царю» этого примитивного бездарного «зверинца». – Избавляю вас от своего присутствия. На этом позвольте откланяться.

Я рванулась с места как испуганная газель, но издатель остановил меня новым воодушевляющим взглядом. И, став прохаживаться перед столом, заговорил, властным взмахом руки упреждая мои возражения.

– Я благодарен вам за попытку хотя бы таким образом разрешить конфликт. Остальные мои подчиненные, боюсь, слишком для этого трусливы, – хмыкнул он, покрутив

в пальцах заявление, и уже доверительным тоном продолжил: – Маргарита, не поверите, но мы с вами оказались в весьма похожих ситуациях. Ваши надежды на эту работу явно не оправдались. Как и мои надежды – на работу команды, выпускающей журнал.

Я выжидающе молчала, не понимая, куда он клонит. Да, мои иллюзии развеялись в рекордные сроки, но какой смысл тратить время на пустые сетования? А его хваленая команда – отныне не моя забота.

– Как вам известно, мы сделали ставку на собственные материалы, решив пользоваться зарубежными по минимуму. Но качество нашего контента существенно уступает переводному, а последний изобилует самыми возмутительными опечатками. Рекламщики промахнулись с целевой аудиторией, работа редакции до сих пор не налажена, и, как следствие, мы не выдерживаем конкуренции. Наши деловые партнеры, мягко говоря, недовольны. А причина происходящего известна и вам, и мне. – Он многозначительно помолчал и вымолвил: – Рыба гниет с головы.

Что ж, еще некоторое время назад я пыталась донести нечто подобное до коллег. И, кстати, до самой «головой», ведя яростные, с открытым забралом, споры. Какое там, с тем же успехом я могла останавливать цунами, размахивая руками! Деятельность редакции велась под девизом «День прошел, и слава богу» – никого, кажется, не волновал тот факт, что издание катится в тартарары с рекордной скоростью.

– Буду с вами предельно откровенен. Необходимость перемен назрела давно, но в данный момент я не могу распустить команду. Мы завязаны на сроках типографии и рекламе, в таких условиях не до революций. Но в пределах трех-четырех месяцев все должно измениться! – решительно провозгласил издатель. – Для начала я всерьез подумываю сменить главного редактора.

Теперь уже замолчал он, выразительно глядя на меня сверху вниз.

– И при чем здесь я? – Не то чтобы смысл его туманной речи не дошел до моего сознания, просто хотелось услышать нечто ясное, конкретное. А то и перспективное.

– На данный момент у меня две кандидатуры. Два профессионала, опытных, целеустремленных и смелых. Два подхода к работе, два видения развития журнала. – Он застыл на месте, задумчиво поглаживая гладковыбритый подбородок. – Мне предстоит нелегкий выбор: сделать ставку на качественный контент, максимально деликатное, но откровенное освещение жизни звезд либо поставить во главу угла сенсации со скандальным налетом, неважно, реальные или вымышленные. И то и другое – риск. На кону, ни много ни мало, будущее даже не журнала – всего издательского дома.

Подумать только, а я не желала верить Катюше, исправно доносившей до меня гулявшие по коридорам сплетни! Поговаривали, что наш «царь», свято уверовавший в успех предприятия, ухлопал на запуск издания неприлично круг-

люю сумму, и теперь любой неверный шаг, суливший отток рекламодателей, мог поставить его компанию на грань банкротства.

– Не буду ходить вокруг да около. Как вы уже наверняка догадались, первая кандидатура – ваша. Личность конкурента вам хорошо известна...

Похоже, на моем лице ясно отразилась вся гамма чувств, от недоумения до ненависти, раз издатель понимающе ухмыльнулся.

– Да-да, вы верно поняли. Теперь от вас двоих требуются четкие, подробные планы деятельности издания. Но решающим будет не это. Мне хотелось бы видеть главным редактором настоящего профи, увлеченного своим делом, обладающего лидерскими качествами. Но прежде всего талантливого журналиста, способного справиться с любым заданием. По-моему, будет справедливо, если мы устроим что-то вроде конкурса.

– Конкурса? – переспросила я, сбитая с толку его напором и неожиданным предложением.

Издатель кивнул.

– Нам нужна «бомба». Вам двоим предстоит разобраться в освещавшейся пару раз лишь мельком, по-настоящему скандальной и загадочной истории. Из тех, что позволит нашему журналу громко заявить о себе и своих претензиях на лидерство в секторе развлекательных изданий. Работаете поодиночке, в равных условиях, представляете в итоге по ма-

териалу – и я принимаю решение. Все честно, не так ли?

Я рассеянно подернула плечами, лихорадочно обдумывая его слова. Чистой воды авантюра: вот так, с бухты-барахты, броситься в распутывание какой-то сенсационной тайны! Причем в совершенно неподходящий момент, когда я измотана личными переживаниями, не говоря уже о профессиональных неудачах. А ведь казалось, что привычка невольно впутываться в приключения безвозвратно меня покинула...

С другой стороны, что я теряю? И так ведь собиралась увольняться, в худшем случае лишь продлю эту журнальную агонию! Впрочем... А почему я обязательно должна проиграть? В душе вдруг шевельнулся основательно подзабытый азарт. Мне выпал невероятный шанс проявить способности, поставить на место обидчиков и, главное, возглавить издание с мировым именем! В ушах сладостно зазвучали литавры грядущей победы, и я, толком ничего не осмыслив, по привычке рубанула с плеча:

– Я в деле. О каком именно материале идет речь?

Шеф одобрительно кивнул, похоже, уже предвкушая яростное сражение «акул пера».

– Мне нужно, чтобы вы взяли интервью, – веско, чекая каждое слово, изрек он и, выдержав интригующую паузу, уточнил: – Интервью у покойника.

Глава 1

– Что еще за любитель спецэффектов? Видимо, он из скандальных писак, способных под заголовком «Сексуально озабоченный оборотень-людоед ступил на тропу геронтофилии» продать невинную сказку о Красной Шапочке. Сколько раз я на такое покупалась: на обложке – громкая сенсация, а внутри такая скука, что мухи дохнут! Или... – Зеленоватые глаза Аньки осветились надеждой. – Слушай, Ритуля, может, у него острая фаза шизофрении, с галлюцинациями, вот покойники и мерещатся? Не замечала за ним резкой смены настроения, агрессии, мании преследования, нервных срывов, иллюзий, бредовых идей? Хотя вряд ли, конечно. На такую удачу рассчитывать не приходится...

Я иронично хмыкнула. Редкая удача, ничего не скажешь. Лучшая подруга, решив сказать свое слово в науке, усиленно готовилась к поступлению в аспирантуру – и в каждом встречном видела живое пособие из учебника по клинической психологии. Все-таки на удивление неутомимая натура эта Анька, словно ей и без того не хватает забот на рабочем месте, в центре помощи зависимым!

– Нервный срыв, похоже, скоро будет, ведь его бизнес висит на волоске. Бредовые идеи? А как же, вагон и маленькая тележка. Прежде всего отыскать человека, который умер лет этак тридцать назад, и... взять у него интервью! При-

чем в обстановке строжайшей секретности, чтобы конкуренты, оборони Создатель, не пронюхали. А вдобавок сделать это лучше и быстрее второго претендента на лакомую должность... угадай кого? – Глаза Аньки с изумлением, догадливо распахнулись, и я кивнула. – Ага, моего главного «друга» в редакции, Живчика.

Подруга поперхнулась коктейлем, подняв в бокале громкое неделикатное бульканье и обратив на себя внимание людей с соседних столиков нашей любимой кафешки.

– Того придурка, который предлагал сочинять скандальные истории, привлекая к этому «сбитых летчиков» из второсортного актерского эшелона? – хохотнула она, и я снова кивнула. – Того самого, для которого ты придумала сто с лишним способов убийства?

– Вообще-то сто сорок два, – с достоинством ответствовала я, вспомнив, как однажды угробила на это целый рабочий день. А что еще было делать, если меня по его милости в очередной раз «забыли» позвать на редколлегию, а потом битый час распекали за равнодушие и лень? – Но потом остановилась на одном: снять с ноги туфлю и со вкусом пришибить в лепешку, оставив лишь мокрое место. Это же надо так меня довести!

– Кстати, а с чего началась ваша вражда? – Анька с любопытством подалась вперед. – Знаю, что он регулярно тебя подставляет, но неужели просто так, с бухты-баракты, проникся ненавистью? Наверняка была какая-то причина.

– Была, и не одна. Я не рассказывала тебе, не хотелось копаться в этой гадости, но... ладно. – Я махнула рукой, сдаваясь. В конце концов, за последнее время, после череды выпавших на нашу с Анькой долю переживаний, подруга значительно прибавила в профессиональном плане. Она успешно помогала попавшим в беду людям – и даже избавила одного парня от серьезной игровой зависимости. Вдруг и мне подскажет что-нибудь дельное...

* * *

Итак, началось это в апреле. Нет, если быть совсем точной, в начале марта, ведь именно тогда появились первые намеки на нашу с коллегой неприязнь. Я только-только присоединилась к редакции, ухватившись за удачно подвернувшееся предложение и решив внять совету Аньки все-таки выйти из зоны комфорта. Что означало перестать наконец сидеть в четырех стенах, беречь толком не затянувшиеся душевные раны и к тому моменту вот уже полгода оплакивать свое горе.

Он бесцеремонно влетел в комнату, не дав толком освоиться на новом месте, и легко вспорхнул прямо на мой стол, чуть не свалив монитор. Потом бегло представился и затараторил, как из пулемета: работает в издательском доме давно, сейчас волей шефа все его творческие силы брошены на новый журнал, будем трудиться вместе и, как он надеет-

ся, подуржимся. Последнее словно вылетело из его уст многозначительно, сопровождаясь тяжелым похотливым взглядом, которому, видимо, полагалось быть обольстительным.

Я отмахнулась от первого нелестного впечатления, но после нескольких дней подобного «общения» не знала, куда деться от назойливого коллеги, которому вздумалось меня опекать. Его было слишком много: он носился по этажам, отвлекая сотрудников издательского дома шумными байками, поучал каждого встречного, как раскручивать наше издание, и, главное, фонтанировал идеями межгалактического масштаба, одна возмутительнее другой. То предлагал разбить семью известного актера, примерного семьянина, «подсунув» ему какую-то невиданной красоты модель, то обещал организовать сенсационное – и липовое – разоблачение вполне себе благоденствующей и уже немолодой певицы, присочинив ей пару якобы брошенных в свое время детишек...

– А не проще ли отнестись к людям – и к героям, и к читателям – с уважением? – не выдержала один раз я. – У нас достойное издание, и надо позиционировать себя именно так. Хайп, скандалы, смазанные фото от папарацци – кого сейчас этим удивишь? Люди давно перестали верить подобной чепухе! Лучше попробовать «разговорить» знаменитость, сделать красивую фотосессию, раскопать что-то понастоящему увлекательное, но правдивое. Уверена, нам пойдут навстречу, ведь популярность нужна всем. Постепенно звезды и продюсеры начнут доверять, станут подкидывать

самый эксклюзив. А будем выдумывать, да еще так, без зазрения совести, потом от судов не отобьемся!

– Ну и плевать, пусть судятся, – беспечно брякнул бойкий коллега, но, заметив красноречивый взгляд издателя, внимательно следившего за нашими дебатами, тут же осекся и стал выкручиваться. – Это я, конечно, хватил, лишних проблем нам не нужно. Просто увлекся и неверно донес мысль. Давайте выдумывать – но так, чтобы было не подкопаться. В конце концов, в этом и заключается мастерство журналиста. И я владею им блестяще, столько лет опыта!

Нисколько не сомневаюсь. Ничего себе, «журналист»! Потеряв от возмущения дар речи, я утомленно взирала на неугомонного, нагловатого, беспринципного, никак не желавшего затыкаться... – как бы его обозвать? – Флюгера, Шута горохового, Фигляра, Кривляки? Нет, прозвище «Живчик» подходило ему лучше всего, ведь он метался по редакции с такой энергией, что меня укачивало от его прыжков...

С тех пор мы регулярно спорили о путях развития журнала, но это вполне могло сойти за рабочие моменты. Следующий «звоночек» раздался во время празднования в редакции Женского дня, когда Живчик, пробравшись ко мне с двумя бокалами в руке, пытался уговорить меня потанцевать. Я вежливо отказывалась – настроения развлекаться не было, да и на этот междусобойчик я согласилась скрепя сердце, только чтобы коллеги не сочли меня замкнутой высокомерной грымзой.

– Да ладно тебе, расслабься, – не отставал «обольститель», сверкая сальными глазками. – Выпей хорошенько, все свои, кого стесняться? Потанцуем, пообщаемся, познакомимся поближе. Помнишь, мы ведь хотели подружиться? Ну же, брось ломаться, Ритка!

От ярости у меня потемнело в глазах. Он мог сколько угодно ставить под сомнение мою профессиональную компетентность, с оскорбительной снисходительностью напоминая о своем опыте. Мог врываться ко мне без стука и битый час восседать на столе, загораживая монитор и мешая работать. Мог «ездить по ушам» весь день с бахвальством и напором, от которых у меня разыгрывалась мигрень. Мог просто быть самим собой: ушлым недалеким хамом, которого так и тянуло придушить голыми руками, – мог делать что угодно, но сломалась я на этом фамильярном небрежном «Ритка».

Так меня иногда называли лишь двое. Два по-настоящему близких мне человека, одного из которых уже не было на этом свете. Из уст Ани «Ритка» звучало по-своему тепло, лишней раз напоминая о долгих годах самой искренней и верной дружбы, начавшейся еще в школе. А мой прекрасный во всех смыслах слова любимый произносил это с особенной нежностью, крепко сжимая меня в кольцо сильных надежных рук. Теперь же Живчик бросил мое имя пренебрежительно, надменно, с явственно уловимым оттенком похоти.

Злость уже клокотала внутри, грозя вот-вот вылиться в порцию крепких, вполне достойных его гнусного «журна-

листского мастерства» словечек, но я колоссальным усилием воли остановила этот порыв. Не стоило в самом начале работы портить отношения с коллегой. Который с первого дня отнесся ко мне вполне дружелюбно и к тому же был не в курсе моих сокрушительных жизненных трагедий.

– Прости, но... нет. Никаких танцев и прочего, – покачала головой я. Мне не хотелось ни излишне откровенничать, ни обижать его, поэтому «золотая середина» показалась уместной. – Между нами, я переживаю тяжелый момент, никак не оправлюсь от потери близкого человека. В такой ситуации не до развлечений.

По наивности я надеялась на понимание, но Живчик, будто не слыша отказа, продолжал виться рядом. Я вытерпела еще несколько минут его присутствия – как говорится, ради приличия, – а когда стало совсем неважно, выждала удобный момент и по-английски слиняла домой. Оставалось только надеяться, что после этого он отстанет. Да еще и разболтает о моем печальном настроении остальным, надолго отбив у них охоту лезть с ненужным общением.

Живчик действительно снизил активность. Теперь он появлялся в моей комнате гораздо реже, а на редколлегиях спорил яростнее. Сослуживцы и правда стали меня сторониться – не знаю, что он им наплел, только меня это искренне встревожило. Одно дело – ждать от других деликатности, так необходимой в моем удрученном состоянии, и совсем другое – постепенно становиться изгоем. Тем не менее в редакции

еще соблюдалось подобие приличий, и паниковать по поводу откровенной травли было преждевременно.

Гром грянул через месяц, когда глава издательского дома собрал всех сотрудников в ресторане по случаю годовщины основания компании. Очень кстати вышел первый номер журнала, так что шеф решил «обмыть» сразу два события, сплотив собравшуюся под его руководством команду. Ближе к концу торжества, когда гости, основательно загрузившись блюдами и напитками, пустились в пляс, Живчик снова причалил к моей скромной персоне. Поспешив отказаться от очередных танцев, я скрылась от него в дамской уборной, разрабатывая план бегства.

Через несколько минут, предусмотрительно высунув голову из двери, я убедилась, что путь свободен. Требовалось быстро проскользнуть в зал, попрощаться с остальными и, стараясь не привлекать внимание горе-кавалера, нестись в гардероб. Довольно резво одолев половину пути, я притормозила, услышав неподалеку громкие мужские голоса. Спрятавшись за угол, я заметила, как Живчик выбрался в коридор в компании своего приятеля по редакции, чуть менее развязного, но столь же никчемного.

– Да погоди ты, сейчас выйдет. – Основательно набравшийся коллега дернул моего «ухажера» за рукав и мерзко захихикал. – Может быть, она как раз для тебя прихорашивается!

– Ага, от нее дождешься! Плела мне в прошлый раз ка-

кую-то чушь, чуть ли не в трауре она. Ты в это веришь? – развел руками Живчик. – Хотя всегда в темном, факт. По-моему, просто выслуживается перед шефом, вот, мол, какая я вся из себя деловая, даже дресс-код соблюдаю! Фу, подлиза!

Так-так, интересненько... Стараясь не дышать, я вся обратилась в слух. Не каждый день узнаешь, что думают о тебе окружающие!

– Корчит из себя монашку! – поддакнул первый и снова гаденько засмеялся. – С такими-то сиськами!

– Мне больше задница нравится, – авторитетно изрек Живчик, – так и тянет по ней шлепнуть. Особенно когда начинает со мной препираться. Фигура-то ничего, но характер... Надменная стерва, еще морали читает! Да мне одного взгляда на нее хватило, чтобы все понять.

– Хорошо ты нам рассказал. – Приятель, которого «забирало» на глазах, похлопал его по плечу. – Теперь все знают, что у нее виды на издателя. Мы-то для такой, конечно, тьфу, мусор, ей кого покруче подавай. Мерзкая бабенка! Неудивительно, все к шефу бегают...

– А что ей еще делать? – У Живчика тоже стал заплетаться язык. – Заметил, какая подавленная в последнее время? Понимает, что профессионально – ноль, только и остается в горизонтальном положении отрабатывать!

И они опять загоготали.

У меня закружилась голова, перед глазами на миг все по-

меркло. Оседая по стенке, я как сквозь пелену слышала новые уничижительные реплики в свой адрес. Так вот в чем дело! Оказывается, за моей спиной давно ходят грязные сплетни. А сочиняет и разносит их узколобый жестокий мерзавец, с какой-то стати сделавший меня объектом своего нелестного внимания.

Вскоре голоса смолкли, и я с грехом пополам добралась до ближайшего окна. Поток прохладного воздуха сразу привел меня в чувство. Да с чего они решили, что могут надо мной издеваться? Безнаказанно выдумывать всякую ерунду? Хватит трусливо пережидать в коридоре, я могу за себя постоять! Мне хочется домой – значит, вернусь в зал, перекину пару слов с Катюшей и наконец-то свалю из этого гадюшника. А если кому-то вздумается меня задерживать или оскорблять – им же хуже.

Я решительно развернулась и грозно застучала каблучками. Войдя в зал и с облегчением не обнаружив там Живчика, я направилась к дальнему углу, где в компании других редакторов стояла моя приятельница. Но уйти спокойно мне было не суждено: оказавшись в центре залитого ярким светом люстр пространства, я услышала за спиной до боли знакомый голос.

– Эй, подруга, может, снизойдешь до простых смертных? – Живчик успел основательно набраться и сейчас явно алкал неформального общения. – Я понял, в чем твоя проблема. Мужика тебе не хватает, вот и бесишься, всех пре-

зрением обливаешь. Проще надо быть, Ритка! Самой-то не надоело киснуть? Так я тебе помогу!

Не успела я опомниться, как он резко выбросил руку и дернул меня за волосы, которые я сегодня по привычке стянула в тугий пучок. Последние месяцы у меня был более чем серьезный повод носить темное и делать строгую прическу. И разве кого-то должен был волновать мой излишне чопорный, но вполне благопристойный облик?

Шпильки посыпались на пол, волосы волнами разметались по плечам, и окружающие разом смолкли, предвкушая колоссальную разборку. Я чувствовала, как все, включая нашего всесильного шефа, обратили на нас жадные до скандалов взоры. От негодования меня затрясло так, что я с трудом устояла на ногах.

– Уже лучше, – удовлетворенно хмыкнул Живчик, оценивая дело рук своих. – Хватит выделываться, пойдем танцевать!

Он попытался приобнять меня сзади, и, оглянувшись, я увидела, как его ладонь опасно зависла в воздухе чуть ниже моей спины... Окружающие стояли молча, с интересом наблюдая за «спектаклем» и явно ожидая увлекательной кульминации. Хорошенькое дело, сейчас меня начнут откровенно лапать, и ни один из присутствующих здесь, с позволения сказать, мужчин за меня не вступится! И почему это происходит со мной? За что все так меня ненавидят? Слезы обиды обожгли глаза. Нет, я не позволю себя унижать, ни за

что!

Кипя от ярости, я резко развернулась на месте и, замахнувшись, вlepила Живчику громкую, хлесткую пощечину. И тут же брезгливо отдернула руку, отступая назад и мечтающая только об одном: поскорее отмыться от отвратительной ситуации и прикосновения к этому гнусному существу. Перед глазами все расплывалось от гнева, и я как в тумане видела перекошенное от злости лицо Живчика с красным отпечатком моей пятерни, спешившую ко мне на помощь потрясенную Катюшу и странное, чуть ли не уважительное выражение во взоре издателя...

* * *

– Вот скотина! – возмущенно охнула Анька, снова подняв бурю в стакане с коктейлем. – Теперь понятно, почему он устроил тебе «райскую» жизнь. И что, он потом даже не извинился?

– Куда было деваться, извинился, на следующий же день. Мол, выпил лишнего, плохо соображал, – вздохнула я. – Разумеется, искренним сожалением там и не пахло. Представляешь, какое для него унижение: сначала я на глазах у всех по физиономии съездила, потом шеф устроил взбучку за «некомандное поведение» и заставил прилюдно просить прощения! Последнее, конечно же, стало новым веским доводом в пользу версии о том, что я – любовница издателя.

О чем Живчик, оскорбленный в лучших чувствах, и разнес по всем этажам офиса. Не знаю, что еще он там наговорил, только возненавидели меня практически все...

– Милая, как несправедливо... – Подруга мягко погладила меня по руке и вдруг мстительно произнесла: – Знаешь, иногда я жалею, что клуба больше не существует!

Я лишь удрученно покачала головой. Нет, это было слишком безрассудно и опасно. Весной прошлого года мы с Анькой, переживая каждая свои обиды, оказались в клубе психологической помощи униженным. Где как-то незаметно перешли от общения единомышленников к банальной мести. Там я надеялась встретить понимание, а обрела любовь всей жизни. Которую вскоре потеряла – из-за чужой ненависти, сокрушительной и ослепляющей.

– А самое обидное, что я и правда пару раз бегала к издателю. Хотела донести до него свои идеи развития, спасти общее дело. Сколько раз зарекалась от подобных инициатив, дура! – Я с размаху врезала себе по лбу. – Сначала пыталась поговорить с главредом, объяснить, что мы не туда поворачиваем, печатаем откровенную муть, – и стала первым врагом. В отместку он взял в недавний номер скандальный материал Живчика. А кому, как не мне, знать, чем может обернуться подобная шумиха...

Анька понимающе закивала. В самом начале наших занятий в клубе я, горя желанием защитить несправедливо обиженного, вызвалась написать разоблачительную статью.

В ней не было ни слова неправды, но поднявшийся следом ажиотаж принял невиданные масштабы и сослужил герою плохую службу, лишив покоя, а потом здоровья и жизни. Эта история лишней раз напомнила мне об ответственности за каждое, даже брошенное вскользь слово, и теперь я с особым трепетом относилась к персонажам журнальных материалов. Увы, мои попытки достучаться до коллег выставили снобизмом и морализаторством, а исключительно деловое общение с шефом – пошлой служебной интрижкой.

Меня по-настоящему волновало бедственное положение, в котором оказался перспективный журнал, хотя, чего греха таить, была у этого энтузиазма и другая причина. Я с головой бросалась решать рабочие проблемы, пытаюсь найти спасение от личной трагедии, чтобы не думать, не вспоминать, не переживать... Но справлялась я плохо. Так и тянуло закутаться в черную, под стать поглотившей меня скорби, одежду и замкнуться в себе. А перед памятным инцидентом в ресторане... словом, Живчик не ошибся, я действительно была крайне подавлена. Тогда, в начале апреля, моему обожаемому возлюбленному могло исполниться тридцать четыре. Могло – но никогда уже не исполнится, и осознание этого медленно, мучительно сводило меня с ума.

– Алик ни за что не дал бы тебя в обиду, – словно услышав мои мысли, вздохнула подруга и грустно хихикнула. – Помнишь его панацею от всех бед? Он точно набил бы этому Живчику морду!

Я невесело улыбнулась, почувствовав, как к глазам подступают слезы. Сколько же еще я буду страдать? Наши с Аликом отношения длились каких-то пять месяцев, а с момента трагедии прошло уже вдвое больше. Подруга-психолог со знанием дела уверяла, что время лечит, но какое там... Просыпаясь, я первым делом открывала фотографию своего красавца в телефоне, проверяла мессенджер, не иначе как в бреду надеясь увидеть заветное «В сети». Однажды, в приступе острой тоски, я даже скинула на номер Алика сообщение с одним словом – «Скучаю». А в день его рождения собралась с духом и приехала к дому, в котором мы когда-то недолго жили вместе. Просто стояла внизу, забыв обо всем на свете, и смотрела на свет, горевший в окне на последнем этаже. Чужой свет в уже чужой квартирке, где мы когда-то были так счастливы...

– Ты снова туда ездила? Который уже раз? – Анька верно считала мое выражение лица и укоризненно покачала головой. – Рита, я все понимаю, но хватит травить себе душу! Ты замыкаешься, люди это чувствуют и избегают тебя. Сама не даешь себе шанса быть счастливой! Попробуй с кем-нибудь встретиться. Кстати, а что ты думаешь насчет вашего шефа? Ну-ну, не делай такие глаза, а лучше взгляни на него иначе... Да, он намного старше, но я же помню по фоткам: шикарный мужик! И тебе, кажется, благоволит.

Ага, ну конечно! Благоволит он мне потому, что я чуть ли не единственная из его сотрудников искренне пеклась о

судьбе издания. Наверное, идея завести служебный роман и стать «серой кардинальшей» в издательстве была не так и плоха – представляю, как скривились бы мои недоброжелатели во главе с опостылевшим Живчиком! Но, увы, я даже в мыслях не могла представить себя с каким-то другим мужчиной, кроме моего заботливого и порывистого Алика. Так что зря Анька тратит на меня свое красноречие. Безнадежный случай, и вообще – кто бы говорил!

– Я – другое дело, – привычно заупрямилась подруга, после серии сокрушительных разочарований зарекшаяся от новых попыток устроить личную жизнь. И, доверительно придвинувшись, сообщила: – Знаешь, а ребенка мне хочется... Усыновить одинокой женщине непросто, остается родить. Как сейчас принято говорить, «для себя». Надо бы изучить вопрос, наведаться в банк доноров. Ну что ты опять так смотришь, Ритка! Сказала ведь: никаких больше отношений!

Я и правда поначалу вострепелась, но потом, пока официантка подавала нам мороженое, поразмыслила – и пришла к выводу, что это, пожалуй, неплохой выход. Особенно для таких неисправимых однолюбов, как мы с Анькой.

– Разведаете что-нибудь – сообщите! – выпалила я и, наткнувшись на изумленный взгляд подруги, поспешила перевести разговор на более актуальную тему. – А пока мне нужно сосредоточиться на этом бредовом задании. Или все-таки уволиться.

– Эй, даже не вздумай, борись до последнего! Уйдешь, и что дальше – снова будешь лить слезы в заточении? – с пылом набросилась на меня Анька. – По поводу книги ведь, как я понимаю, новостей по-прежнему нет?

Я лишь рукой махнула. Эту книгу, честный рассказ о событиях, произошедших в клубе, предложил мне написать Алик. Выполнив его просьбу, я отправила рукопись в самое крупное издательство и уже успела забыть об этом. В конце концов, прошло несколько месяцев, и редакторы наверняка успели «завернуть» мое бессмертное творение. Вдохновения сочинять следующий роман не было, да и что я могла бы написать с таким-то кладбищенским настроением? Кстати, о кладбищах...

– Ты так и не знаешь, какого покойника нужно отыскать? – Похоже, Анька мысленно одолела ту же логическую цепочку. И неудивительно, ведь мы всегда понимали друг друга с полуслова. – Шеф даже не намекнул?

– Не-а. В понедельник узнаю, но ты наверняка права, и это – лишь попытка приукрасить рядовое поручение, вызвать у нас дух соперничества. – Я сама удивилась, что мои слова окрасила досада, будто я уже приобрела необходимый для опасных приключений азарт. Что ж, любви больше не будет, а вот в профессии мне еще есть что сказать! – Но если он не пудрит нам мозги... Я возьму интервью у этого покойника, даже если придется спуститься в преисподнюю!

– Дело серьезное, каждому из вас предстоит провести целое расследование, так что свободно распоряжайтесь временем. С этого дня можете считать себя в творческом отпуске, – великодушно объявил шеф, прохаживаясь по кабинету обычной величавой поступью. И с царской широтой махнул рукой. – Все расходы – на транспорт, мобильную связь, а если понадобится, и на проживание в гостиницах – мы компенсируем.

– А у нас что, коммунизм наступил в отдельно взятой редакции? – грубо прыснул Живчик, подмигнув мне. – Может, объединим усилия, совместим, так сказать, приятное с полезным? Путешествовать будем вместе, а жить – в одном номере. Это же какая экономия для издательства! Да и помогу тебе немного, нужно ведь дать фору неопытной коллеге!

– Спасибо, справлюсь как-нибудь сама, – фыркнула я, демонстративно отворачиваясь, чтобы не видеть заклятого врага, сиявшего снисходительной улыбкой человека, абсолютно уверенного в своих силах. И в плохо скрываемой панике обратилась к издателю: – А разве было предусмотрено, что мы должны работать вместе?

– Это как вам будет удобно. – Шеф развел руками и понимающе усмехнулся. – Хотя вообще-то предполагается, что каждый сам за себя. Два претендента – два материала. Я буду

оценивать не только скорость, с которой вы представите интервью, но и его качество. Постарайтесь уложиться в месяц. Максимум в два. Срок, согласитесь, немалый, но и задача не из простых. К счастью, нашелся щедрый спонсор, который поверил в потенциал журнала и согласился взять на себя все наши – точнее, ваши – прихоти. Он считает, что игра стоит свеч, и я с ним солидарен. Задание на столе.

Я раскрыла лежавшую передо мной тоненькую папку, Живчик схватился за свою, точно такую же. Несколько минут мы сосредоточенно изучали краткую биографию героя и пару старых отсканированных статей. Потом дружно, в первом и, видимо, последнем порыве солидарности, задумчиво похлопали глазами, переглянулись и с недоумением воззрились на шефа.

– Ничего не понимаю, – на правах старшего нарушил тишину Живчик. – Мы должны собрать информацию об этом человеке и на ее основе сострять материал, подать в виде интервью? Придумать, будто бы он жив? Это что, такой журналистский прием?

– Там ведь все четко написано, – терпеливо пояснил издатель. – Найдите этого человека и возьмите у него интервью. Никаких «сострять» и «придумать», только чистая правда.

– Но ведь он мертв! Погиб много лет назад, – не выдержала уже я. В ту пору я была совсем еще малышкой, но историю этого персонажа прекрасно знала. Или, как выяснилось теперь, думала, что знала.

– Может, и не мертв... – загадочно протянул издатель и развел руками. – Это вам и предстоит выяснить. Друзья мои, я предложил шикарные условия работы. На кону престижная должность в известном журнале. Как говорится, победитель получает все: деньги, славу, возможность формировать команду и определять политику издания. Согласитесь, мы не могли придумать для вас нечто совсем уж банальное... Ну что, готовы побороться?

– Всегда готов, – шутливо отсалютовал Живчик, первым оправившись от потрясения. Сунув папку под мышку, он обменялся рукопожатием с шефом и, беспечно насвистывая себе под нос, направился к двери. Похоже, напоминание о щедром вознаграждении возымело действие, раз мой конкурент мгновенно обрел былую самоуверенность и решил немедленно приступить к работе.

Я же осталась сидеть на месте, погружившись в тягостные раздумья и готовая сдать без борьбы. Видимо, я слишком уверилась в том, что мне действительно предстоит написать какую-то весьма необычную по форме, но вполне себе реальную статью о давно ушедшем в мир иной человеке, более-менее известном. Разумеется, поговорив с его близкими, собрав о нем максимум доступной информации. Но, положив руку на сердце, я и представить себе не могла, что речь пойдет о кумире миллионов. Который, может статься, и не совсем умер... Что говорить, и впрямь бредовая идея!

– Маргарита, – вывел меня из раздумий бархатный голос,

и я подняла взор на шефа. Он привычно напоминал льва, роскошного, мягкого и совсем неопасного. Кажется, четкая и краткая задача повергла меня в такие сомнения, что желание выйти из игры, так толком в нее и не вступив, явственно отразилось на моем лице. – Даже не вздумайте отказаться! Спонсор настаивает, да и я сам... Словом, мне жаль, что я не прислушивался к вам раньше, не защищал от нападков недоброжелателей. Возможно, тогда мой бизнес не оказался бы на грани катастрофы. Надеюсь, именно вы добьетесь успеха, и мы сможем выстроить отношения иначе.

Я кивнула и поднялась, постепенно стряхивая с себя наваждение. В самом деле, откуда взялись эти страхи, неуверенность? Я – профессионал. Знающий, как работать, умеющий это делать и, главное, верящий в свои силы. Я тоже готова вступить в борьбу, и у меня все получится!

– Я буду за вас болеть, – многозначительно пообещал шеф, со всей галантностью придержав для меня дверь. И я вышла из его кабинета навстречу сногшибательной авантюре, несколько не сомневаясь, что в следующий раз переступлю этот порог уже в ранге победительницы.

Глава 2

Я внимательно смотрела на бодро ходившего по сцене молодого подтянутого певца, раз в пятый гоняя один и тот же ролик. Качество «картинки» оставляло желать лучшего: угадать в полуразмытой черно-белой неестественно вытянутой фигуре любимца девчонок всей страны было непросто. Впрочем, нужно проявить снисходительность к съемкам начала семидесятых прошлого века...

Наблюдая за героем своего будущего интервью, я думала о том, что он был весьма талантливым артистом. Да, красавчиком, баловнем судьбы, настоящей звездой тех лет и все-таки прежде всего – артистом. Даже не видя толком его лица на записи старого концерта, я чутко улавливала настроение песни и ее исполнителя. Никакого официоза, в котором сейчас так любят обвинять знаменитостей тех лет, только искренняя, наивная радость парня оттого, что он молод и влюблен, а жизнь понятна и безмятежна. Казалось, ему с трудом давалась принятая в ту пору сдержанная сценическая манера, так и тянуло задорно попрыгать под веселую мелодию...

– Риточка, почему ты не на работе?

Увлечшись, я и не заметила, как вернулась домой мама. Переживая сокрушительные жизненные катастрофы, я уже почти год обитала «под крылышком» у родителей, на время

отказавшись от идеи снимать квартиру. Здесь мне было комфортно и спокойно, а теперь любящая семья и вовсе могла оказать мне бесценную помощь. Уж мама-то точно!

– Это и есть моя работа на ближайшие пару месяцев. – Я кивнула на монитор, хотя это явно было излишним. Уже не слушая меня, забыв о тревоге, окрасившей ее голос при мысли о новом этапе травли со стороны коллег, мама уселась на диван рядом со мной и чуть ли не вплотную придвинулась к экрану.

– Прекрасно его помню, именно таким, – тепло улыбнулась она, когда песня закончилась. – Мы с подругами даже были на его первом сольном концерте. Билеты достали чуть ли не с боем, спустили все деньги, отложенные на поездку к морю. Но оно того стоило! Пел он шикарно, никакой «фанеры», только чистый голос. Тогда знали, что такое исполнительская культура! А во втором отделении разошелся, даже рок-н-рольчик сбавал... Слова-то незатейливые, а мелодии... Тогда об авторских правах не думали, и мы лишь потом узнавали, что слушали «битлов», например. А внешность какая, харизма! Записи и на десятую долю этого не передают. Тогда это был наш, как принято теперь говорить, секс-символ. Девчонки с ума сходили... Да что там говорить, твоя ненормальная мать собственной персоной как-то под покровом ночи стащила его афишу!

Мама с мгновение подумала, вспоминая, и подошла к шкафу. Нырнув в глубь полки с постельным бельем, она,

пыхтя от усилия, выдернула из-под простыней и наволочек какой-то древний журнал и потрепанный, с рваными краями лист, сложенный в несколько раз.

– Вот, смотри. Заприметила афишу в двух кварталах от дома, еле упростила твоего деда меня сопровождать. Он тем еще хулиганом был! Пока я стояла «на стреме», ножичком быстро вырезал плакат...

Мама раскладывала на полу вполне еще «живую» афишу, а я взяла старый журнал, который распался пополам прямо на нужной, явно засмотренной до дыр страничке с маленькой заметкой и фотографией кумира.

– Сохранила на память. Только папе не говори, он все порывался выбросить...

– О чем это папе не говорить? – Разумеется, глава нашего семейства оказался на пороге в «нужный» момент. И, бросив взгляд на афишу, закатил глаза. – Боже праведный, почему это все еще в моем доме? Столько лет прошло, а я сих пор помню эти визги-писки вокруг: «Ах, красавчик, ах, Элвис нашего разлива...» Брр! Давайте прихвачу это завтра на работу, там ребята из соседнего офиса как раз макулатуру собирают.

– Даже не вздумай, такой раритет! – искренне ужаснулась мама. – И твоей дочери, кстати, интересно. Даже молодежи надоела та пошлость, что сейчас потоком льется с экрана... Да брось, не будешь же ты спорить, что пел он отлично! Конечно, до тех пор, пока из Бориса не превратился в Боба и

не попер в откровенную дурь...

– Какую еще дурь? – настал черед папы ужасаться. – Как раз с тех пор и началась самая классная музыка! Ритуля, мы тогда с твоей мамой только-только начали встречаться, прямо ностальгия... Он вдруг забросил ту слащавую патоку, которую лил в уши девчонкам, снялся в паре первых отечественных боевиков, ударился в рок. Времена менялись, требовалась совсем другая музыка, так он патлы отрастил, какое звучание было – гитара, ударные, да и тексты зашибенные писал, на злобу дня... Мы с друзьями за его кассеты чуть не передрались, переписывали еще, помню, у одного хлыща. А мать не слушай, она ничего не понимает...

Родители принялись жарко спорить, а я, опустившись на колени перед афишей, стала разглаживать заломы на большом портрете сорокалетней давности. Какое интересное лицо... Редкое для тех времен качественное цветное фото позволяло рассмотреть его в подробностях. По отдельности черты «красного Элвиса» – в отличие от внешности «подарившего» это прозвище западного коллеги – не отличались правильностью. Крупноватый нос с округлым кончиком, добродушные ямочки на щеках, небольшие светло-карие, янтарного оттенка, глаза, густые брови, каштаново-русые волосы, пухлые губы... Но все неидеальные детали, собранные воедино, создавали впечатление бесспорного красавца. Возможно, благодаря таланту и невероятному обаянию парня.

– ...а понимаю я уж побольше твоих друзей-дуралеев, –

между тем распалась мама. – Тоже мне, добыли как-то «видак», посмотрели фильм про Эммануэль и сочли себя ценителями искусства!

– Кто бы говорил! – взвился уязвленный в лучших чувствах папа. – Разве не вы всем отделом читали в обед потрепанный самиздат «Камасутры»?

– Эй, ребята, хватит. Брейк! – Я помахала руками, прекращая эту полусхотливую перебранку. – Поняла, молодость у вас была бурная. Но мы отвлеклись от темы. Что вы еще знаете про этого... Боба? Кажется, он погиб при каких-то загадочных обстоятельствах?

Родители помедлили, напрягая память.

– Это произошло неожиданно, но и ожидаемо тоже. Как бы тебе объяснить... – Мама задумчиво возвела глаза к потолку. – Словом, новость о том, что он разбился, прозвучала как гром среди ясного неба. Это было уже после перестройки, информация поступала свободнее, да и сплетни гуляли. Но подробностей происшествия никто не знал. Какая-то загородная дорога, абсолютно пустая, небольшой безобидный дождик, и его машина вдруг на скорости врезается в ограждение. Вспыхнула мгновенно, так и сгорела дотла... Мы пребывали в шоке, но, помнится, не сильно удивились. С его-то образом жизни...

– Ритуля, его ведь не зря сравнивали с Элвисом, хотя времена были уже другими. Истории похожи: бешеная популярность чередовалась со спадами, он то и дело пробовал что-

то новое, менял стили, потом располнел и будто бы устал от жизни, от музыки. Скандалы с ним случались, как без этого, уже в восьмидесятые... То в ресторане с кем-то подрался, то с «левыми» концертами прижучили, то с администратором что-то не поделил – обычные истории для тех лет. И... как бы выразиться точнее... – Папа пощелкал пальцами, подбирая слова. – Кошунственно звучит, но ушел он очень вовремя. Кажется, продлись вся эта свистопляска еще немного, и либо спился бы, либо сел...

Так-так, уже интересно. Не то чтобы я не читала всего этого в Интернете, просто «свидетели эпохи» помогали создавать яркую, насыщенную впечатлениями того времени картину. Я уже более-менее представляла жизнь своего будущего героя. Загадкой по-прежнему оставалась его смерть.

– Поэтому-то я и сказала, что такой исход был ожидаемым, – подхватила мама, впервые за вечер соглашаясь с отцом. – Далеко не все принимали его музыкальные эксперименты, но после каждого охлаждения поклонников он умудрялся возвращать интерес к себе. Перед гибелью он снова оказался «в обойме», но исключительно благодаря скандалам: его творчеством тогда мало кто интересовался. Он вдруг стал петь что-то мрачное, с нехорошим таким надрывом, будто предчувствовал... Это было уже не для широкой публики, не... Риточка, как это по-современному называется?

– Мейнстрим?

– Да-да, – задумчиво согласилась мама. – Так вот, он отошел от этого самого мейнстрима. И остался легендой, понимаешь? Мог просто постареть, обрюзгнуть, скатиться на нечто заурядное, всем надоест. Но ушел, словно нарочно выбрав подходящий момент, – как это принято говорить, на взлете, оставшись для всех неразгаданной тайной. Ого, а красиво звучит, наверняка подойдет для твоей статьи! Ты ведь не зря собираешь о нем материал, я верно поняла?

Я рассеянно кивнула. Выглядит прямо-таки детективным сюжетом: запутавшись и устав от жизни, герой решил скрыться из виду, для чего подстроил собственную смерть. Слишком складно для того, чтобы быть правдой. Здесь явно кроется какой-то подвох, но я, увы, не мисс Марпл, чтобы в этом разобраться. Эх, мне на самом деле не хватает опыта, а Живчик наверняка уже предпринял какие-нибудь эффективные шаги!

– А вдруг он жив? В то время ведь ходили подобные слухи! – ляпнула я, и родители, начавшие было наперебой вспоминать песни кумира, как по команде воззрились на меня. – Вот представьте... если бы вам пришлось его искать, уже в наше время, с чего бы вы начали?

В комнате на минуту повисла звенящая тишина.

– Ритуля, дочка, – обменявшись с мамой многозначительными взглядами, осторожно промолвил папа, – во что ты опять встряла?

Ну вот, не хватало еще встревожить родителей, и так пе-

реживавших за меня все эти месяцы! Я не умела лгать, и теперь пришлось немало постараться, чтобы успокоить всполошенное семейство.

– Ни во что. Мне действительно поручили подготовить материал о нем, вот и собираю информацию. Да не волнуйтесь вы так, больше никаких приключений, обещаю!

Успокоившись, мама с папой уткнулись в монитор, решив найти композицию, которая – редкий случай! – нравилась им двоим. К счастью, они были слишком заняты, чтобы заметить мои скрещенные за спиной пальцы.

* * *

Впервые за долгие месяцы я проснулась в хорошем настроении и бодрой, несмотря на то, что накануне засиделась с материалами до глубокой ночи. Мне предстояло окунуться в увлекательное расследование, причем свой день можно было планировать самой, и долой ненавистный офис, где от насмешек и недобрых взглядов я каждый день ощущала себя будто с содранной кожей!

От вчерашней неуверенности не осталось и следа: я основательно изучила биографию героя и поняла, с чего нужно начинать. Разумеется, с семьи! Статья в сетевой энциклопедии касалась в основном творчества, а заодно изобиловала отсылками к скандальным новостям конца восьмидесятых. О родных же, как и о личной жизни, упоминалось до обид-

ного мало. Я узнала, что известный певец родился в небольшом поселке, километров за двести от столицы, его мать была учительницей, отец – строителем. Эта информация лишь помогала наносить дополнительные штрихи к портрету интересовавшего меня человека, ведь его родители, разумеется, давно умерли.

Я снова и снова пробегала глазами по сухим строчкам биографии. «Аникеев Борис “Боб” Николаевич (7 августа 1946 – 14 сентября 1987) – известный советский исполнитель, музыкант, автор множества песен, лидер рок-группы... во время учебы в школе увлекался футболом, но, получив травму, переключился на музыку, в детстве выступал в областном дворце культуры, пел, играл на баяне, позже освоил гитару... впоследствии семья переехала в Москву, где и продолжил образование, поступил в музыкальное училище...» Далее следовало то, о чем я уже знала по рассказам родителей. О личной жизни – две короткие строчки: о случайных романах с малоизвестными певичками в юности и о хаотичных коротких связях с поклонницами в более зрелом возрасте. Ни жены, ни детей. Но в самом конце статьи значилось оптимистичное: «Старшая сестра Аникеева Нина Николаевна (род. в 1940 году), в прошлом преподаватель иностранных языков в вузе, кандидат филологических наук, в настоящее время на пенсии».

Решив развивать в себе склонность к дедуктивному методу мышления, так необходимому в моем «расследовании»,

я пришла к логичному выводу о том, что сестра Боба может оказаться бесценным – и, главное, доступным! – источником информации. Во-первых, живет она в Москве, и мне вполне по силам узнать ее адрес. Где иностранные языки – там и переводчики, а мой покойный ныне дед в свое время занимался переводами художественной литературы. Задействую теорию шести рукопожатий, обзвоню пару-тройку его знакомых. Они уже в преклонном возрасте, но наверняка кто-то да выведет на нужные контакты. Во-вторых, сестра носит девичью фамилию, о муже и детях нигде не упоминается – явно одинокая. В-третьих, уже не работает, – значит, будет не прочь развеять скуку и поговорить с искренне интересующимся ее семьей человеком. Который к тому же не чужд филологической среде. Ну не откажет же она в простой беседе «мастеру пера»... Значит, решено: ищу сестру!

Мой план стал претворяться в жизнь на удивление легко. Уже третий знакомый деда – еще один бывший переводчик – снабдил меня телефоном человека, по сей день работавшего в нужном вузе. Еще пара минут сбивчивых объяснений, и вуаля – я уже записывала адрес бывшей преподавательницы, которая изредка, но еще писала научные статьи в соавторстве с коллегами. Мне повезло: в знак уважения к моему дедушке человек сам позвонил Нине Николаевне и договорился с ней о визите обозревателя известного журнала.

Вскоре я уже стояла перед домом, в котором прошли молодые годы героя будущей статьи. В шестидесятые его от-

да пригласили на работу в столицу: сначала семья ютилась в коммуналке, а потом получила трехкомнатную квартиру. Я ожидала увидеть нечто помпезное, а оказалась у самой обыкновенной, явно доживавшей последние годы хрущевки, с традиционной лавочкой у подъезда и старомодным ухоженным палисадником.

Подойдя к железной двери дома, я вдруг спохватилась, что не спросила код подъезда. Ни домофона, ни консьержки здесь не было, а бумажку с телефоном бывшей преподавательницы я по закону подлости забыла дома на столе. Как назло, гулявших поблизости жильцов тоже не оказалось: в этот будний летний день взрослые наверняка были на работе, а дети с бабушками – на дачах. Ну не кричать же, задрав голову, с просьбой открыть!

Оставалось прибегнуть к хваленому дедуктивному методу. На двери подъезда красовалась железная коробка устройства доступа, и, подойдя ближе, я обнаружила, что особенно стертыми были кнопки с цифрами «2», «4» и «5». Комбинации «245» и «425» результата не принесли, и я уже занесла руку, чтобы набрать цифры в другой последовательности. В этот самый момент тяжелая дверь резко распахнулась, чуть не съездив мне по носу, и на улицу, сопровождаемый оглушительной руганью, пулей выскочил какой-то человек. Вслед за ним полетела пустая кастрюля, которая, чуть задев его по плечу, приземлилась аккурат у моих ног. Я поспешила отскочить в сторону.

– Ненормальная баба, еще швыряется! – Беглец выпрямился и, поморщившись, потер плечо.

Взглянув на лицо «раненого», я чуть не упала в обморок от изумления, а тот поднял на меня взгляд и ухмыльнулся.

– О, Ритка! Как ты здесь? Ну да, ну да, понимаю, логичный шаг... Не советую туда соваться, тетка явно спятила. Сначала приняла меня как родного, чаем поила, а потом вдруг с катушек съехала... Хотя попробуй, новичкам обычно везет!

Живчик окончательно оправился от потрясения и теперь злорадно скалился, предвкушая, видимо, очередной этап полета кухонной утвари. А я, похоже, успела привыкнуть к достойной Шерлока Холмса дедукции, раз мигом восстановила картину произошедшего. Тетка приняла его благосклонно – и неудивительно, ведь мы с Живчиком занимали одинаковые должности. Подробности о возрасте и поле гостя мой знакомый ей вряд ли сообщил, поэтому она ждала обозревателя журнала. Он и пришел, козырнув удостоверением с золотыми буквами «Пресса». А за чаем наверняка допустил какую-то возмутительную не деликатность или банально нахамил, что, увы, случалось с ним нередко. И вот результат: я потеряла шанс на доверительный разговор с бесценным свидетелем!

И все-таки отчаиваться не следовало. Анька часто твердила, как важно не занижать, а, наоборот, скорее переоценивать способности и качества людей, – кажется, какой-то

психолог предлагал это в качестве действенного педагогического приема. А мой Алик призывал в любой ситуации не бросать попыток достучаться до человека. Пожилая женщина вряд ли относилась к глупым склочницам, да и ее реакция на визит Живчика меня порадовала. А вдруг мы с этой дамой родственные души?

Выпуская на авансцену новичка, Живчик отошел к своей машине и закурил, опершись на дверцу и явно готовясь наблюдать новый «спектакль». Я подняла кастрюлю, на удивление оставшуюся целой, и погрузилась в раздумья. Мне бы только попасть в дом, а там я уж задействую весь свой дар коммуникабельности, чтобы расположить к себе сестру Боба! Решая, как проникнуть внутрь, я подняла глаза, и мой взор наткнулся на... внушительных размеров объективы. Присмотревшись, я увидела на балконе второго этажа крупную седоволосую женщину, изучающую меня в огромный бинокль.

– Простите, пожалуйста, за беспокойство, можно подняться? – немного повысив голос, вежливо обратилась я к настороженной даме. – Вам звонили насчет меня, договаривались о разговоре. Обещаю, никаких бестактных вопросов и хамства! Заодно отдам кастрюльку...

Дама опустила бинокль, задумчиво пробежала по мне глазами, особенно задержавшись на алюминиевом, но все же довольно увесистом «снаряде» в моей руке.

– Хорошо, милочка, поднимайтесь, – усмехнулась мета-

тельница посуды и, перегнувшись через перила, сказала: – Нажмите «пятьсот сорок два» и «ключ».

Я как на крыльях влетела в подъезд и понеслась по ступеням. Ура, все налаживается: мы поняли друг друга, сестра Боба на моей стороне, и совсем скоро уже я буду пить чай на крохотной кухоньке, внимая ее увлекательному рассказу! А не повторить ошибки наглого Живчика мне вполне по силам.

Сгорая от нетерпения, я бодро втопила кнопку звонка. Дверь тут же отворилась, и из пространства, ограничиваемого цепочкой, вытянулась требовательная рука. Я аккуратно вложила в пальцы кастрюльку, после чего они исчезли. Осталось потерпеть еще какую-то минутку – сейчас пожилая женщина успокоится, окончательно сменит гнев на милость и наконец-то пригласит меня войти...

Я не сразу поняла, что произошло. Звякнула цепочка, дверь на мгновение закрылась и тут же широко распахнулась, после чего раздалось яростное шипение. Все пространство вмиг наполнилось омерзительным сладковатым запахом, и я поспешила отпрыгнуть назад, инстинктивно зажмурившись. В носу противно закололо, а горло уже всю саднило от распыленного на крошечной лестничной клетке химката.

– Так вам, мерзким писакам! Сбежались, как тараканы, так попробуйте-ка отравы для вашей братии, может, это вам мозги прочистит! – мстительно заорала седовласая фурия, с яростью тряся каким-то баллончиком, и я, уже задыхаясь от

кашля, рванула вниз по ступенькам. – Теперь-то, надеюсь, поумнеете и забудете сюда дорогу!

Пулей вылетев из подъезда, я с размаху плюхнулась на лавочку. К счастью, в этот жаркий день в моей сумке лежала бутылка самой обыкновенной негазированной воды, и я, смочив платок, приложила его к горевшему лицу. Чтобы более-менее прийти в себя, мне потребовалось минут десять. Все это время Живчик с нескрываемым удовольствием наблюдал за моими страданиями, то и дело заливаясь хохотом.

* * *

Весь остаток дня обида грызла меня изнутри. Это ведь я – я! – так всегда ратовала за правдивую, максимально корректную работу, а по горькой иронии судьбы меня причислили к самым беспардонным папарацци. Расстроившись, я долго не могла заставить себя вернуться к изучению материалов о моем герое. Лишь под вечер, вспомнив, какими пагубными оказались последствия обид в бытность клуба, я взяла себя в руки и наметила план действий на завтра.

Наутро я уже сидела в такси, в который раз изучая содержимое тонкой папки, выданной издателем. Одна из отсканированных статей, датированная сентябрем 1988 года, касалась биографии знаменитости и лежала в основе досконально изученного мной материала из Интернет-энциклопедии. Сейчас меня интересовал лишь последний абзац это-

го рассказа, кратко освещавший обстоятельства смерти Боба на отдаленной загородной трассе, расположенной на границе двух областей.

«В понедельник, 14 сентября 1987 года, приблизительно в 7.15 утра, возвращаясь в столицу, певец не справился с управлением, в результате чего его автомобиль “Москвич-2141” врезался в бетонное ограждение и загорелся. Прибывшим на место экстренным службам оставалось лишь констатировать смерть. Машина выгорела практически полностью, и этот факт впоследствии породил слухи о том, что инцидент был лишь умелой инсценировкой гибели. Спустя год после трагедии некоторые поклонники еще продолжают отстаивать подобную версию, но, очевидно, всем нам рано или поздно придется смириться с тем, что звезда любимца публики погасла навсегда».

Я подняла глаза от размытых газетных строчек и задумчиво посмотрела в окно. Не знаю, зачем мне понадобилась эта поездка на место гибели Боба. За прошедшие тридцать с небольшим лет трасса наверняка изменилась до неузнаваемости, и никаких свидетельств былой аварии на ней не осталось. Но мне интуитивно хотелось оказаться там, словно сама атмосфера места могла подбросить ценные для журналистского расследования идеи.

Немного потолкавшись в пробке, такси наконец-то вырулило на оперативный простор и понеслось вперед. Я пыталась представить, как провел Боб последние часы перед ги-

белю, – и ничего не получалось. Слишком мало информации, слишком много вопросов. Откуда он возвращался? Что происходило накануне? И почему вообще случилась эта авария на исправной новенькой машине – отвлекся, заснул за рулем, выпил? Утро после выходных – опасное время, подобные происшествия нередки...

– Где остановиться? – прервал мои размышления водитель, немного сбрасывая скорость. – Там, где вы указали, теперь не получится, слишком оживленное движение. Или ехать еще километра три, или здесь.

Проследив за направлением его кивка, я увидела впереди остановку, неподалеку от которой виднелся пост ДПС. Хорошо, выйду тут, посижу, вдруг свежий загородный воздух надует в мою утратившую сообразительность голову светлые мысли...

Подышав смрадными газами от пролетающих мимо машин минут пятнадцать, я утвердилась в мысли о том, что мой внутренний голос дал маху. На остановке не было ни души – если верить висевшему рядом полустертому расписанию, следующий автобус должен был прибыть через полчаса. Да и о чем могли поведать мне местные жители? Вряд ли кто-то из них знал детали давнего происшествия, не освещавшиеся в СМИ. Мой взгляд в который раз скользнул в сторону небольшого бело-синего «кубика» с буквами «ДПС». Рядом с постом прохаживались два инспектора, уже успевшие на моих глазах остановить для проверки небольшой грузовик

со строительным хламом. Может, пора составить компанию стражам дорожного порядка?

«Разговаривай с людьми по возможности честно. Врать ты не умеешь, и любые подобные попытки будут отдавать фальшью», – напутствовала меня Анька по мессенджеру перед началом «расследования». Решив внять совету подруги, я бодро направилась к инспекторам, после отъезда грузовика стоявшим со скучающим видом.

– Простите, пожалуйста, что отвлекаю, – кротко заблеяла я. – Не уделите мне пару минут? Возможно, вы что-то слышали об аварии, которая произошла неподалеку много лет назад? Журнал, в котором я работаю...

– Да что ж такое, ходят тут целыми днями, вынюхивают, от работы отвлекают! – тут же вскинулся один из инспекторов и укоризненно бросил: – Вообще-то, девушка, мы тут не прохлаждаемся! И по вашей милости наверняка уже упустили парочку нарушителей. Так что идите-ка, откуда пришли, не маячьте.

Грубо, но правильно – в самом деле, не следовало их отвлекать. И как такое вообще пришло мне в голову? Не иначе от отчаяния, в которое я уже начинала впадать, понимая, что не продвинулась в сборе материала ни на шаг. Два дня коту под хвост! В полном осознании собственной профнепригодности я удрученно сникла и, уронив голову, поплелась прочь.

Не успела я отойти на пару шагов, как за моей спиной раз-

дался бодрый топот. Развернувшись, я увидела другого инспектора, постарше.

– Эй, подождите! Не обижайтесь на моего коллегу, его довели до ручки с утра пораньше. Мы только-только заступили на смену, когда здесь объявился какой-то балабол. Крутился рядом, выспрашивал про какую-то аварию, вот как вы сейчас, только наглее, удостоверение пихал, мол, мы не можем препятствовать законной профессиональной деятельности журналиста... – Он махнул рукой, приглашая меня вернуться, а по дороге сказал товарищу: – Ну что ты так взъелся, не видишь, совсем еще девчонка, стесняется! Я-то понимаю, у самого дочь институт оканчивает... Небось стажерка... Наверняка первое подобное задание, ведь так?

Я растерянна – и совершенно честно – кивнула. Разумеется, мне не раз доводилось писать статьи и брать интервью, но хитрые детективные головоломки, да еще и с участием знаменитостей такого масштаба, я пока не решала. Видимо, неуверенность и отсутствие пробивных способностей слишком бросались в глаза. А еще сыграло свою роль то, что после вчерашней «химической атаки» я решила отдохнуть от косметики. Ни тени «краски» на лице, стянутые в обычный хвост волосы, майка и джинсы – наверное, я действительно производила впечатление робкой студентки.

Впрочем, сейчас меня занимало совсем другое. Живчик – а я несколько не сомневалась, что «довел до ручки» инспектора именно он, – вновь меня опередил. Подобие ущербного

оптимизма внушало лишь то, что мы с этой «акулой пера» шли одним путем. Но я безнадежно отставала, не только теряя шансы что-то разузнать, но и собирая на себя негативную реакцию окружающих на его фортели. Интересно, ему удалось что-нибудь выяснить?

– Собственно, мы этому даже общительному господину помочь не смогли. Нечего рассказывать, дело давнее, мы не в курсе, – продолжил общительный инспектор, и у меня немного отлегло от сердца. – А это ваш коллега, видимо? Сочувствую. И как с таким работать, ума не приложу... Мы его выгнали, так теперь, значит, вас подослал?

Придя в ужас от одной этой мысли, я энергично замотала головой.

– Нет, я сама приехала. Вы правы, это мой коллега. И конкурент тоже. Нам дали одинаковое задание, устроили что-то вроде соревнования.

А моя подруга и правда совершила невиданный профессиональный скачок – спустя десять лет работы наконец-то стала давать бесценные психологические советы! Потому что, вняв ее призыву говорить правду, я мигом расположила к себе незнакомого человека. Судя по всему, Живчик «достал» инспектора основательно, раз тот ухватился за шанс оставить моего недруга с носом.

– Пойдемте, может, наш Мишка в курсе, у него тут отец когда-то работал, – дружелюбно пригласил добряк, и мы зашли в здание поста ДПС. Мой благодетель тут же обратил-

ся к полноватому парню, который сидел за столом, уткнувшись в какие-то бумаги и с аппетитом хрустя яблоком. – Миш, отвлекись на пару минут, расскажи девушке, что знаешь о том происшествии... ну, о котором сегодня тот придиурок выпытывал. Не бойся, ей – можно, свои!

Миша отложил документы и с интересом посмотрел на меня.

– Не знаю, с какой стати принялись ворошить эту историю, но... хорошо. Когда будете писать статью, не забудьте упомянуть о ценном источнике информации, – хохотнул он. – Шучу, конечно, я ведь сам толком ничего не знаю. Но после визита этого ненормального стало интересно, набрал бате своему. Он в те годы как раз здесь стоял, чуть дальше от места происшествия, чем мы сейчас. Позже, когда трассу значительно расширили, пост перенесли на нынешнее место. Так вот, это был ничем не примечательный серый день. Прохладный, еще накрапывал дождик. Да, и туман небольшой стелился, тогда все время стояли туманы...

Перед мысленным взором тут же предстала живая картинка. Середина сентября, уже рассвело, но пасмурно. Сыро, гуляет пронизывающий осенний ветер, принося с собой холод и сладковатый аромат начавших желтеть листьев. По пустой трассе резво катится новехонькая машина. Утренний туман еще не рассеялся, но популярный тогда цвет «Спелая вишня» довольно хорошо различим даже в таких погодных условиях.

Следующая картинка – то, что видел своими глазами отец Миши. Почти полностью выгоревший автомобиль: объятый пламенем остов, хрупкие остатки железных конструкций, поднимающийся кверху столб черного дыма... Оцепленное место ДТП, несколько машин спецтехники, четко действующие пожарные, деловитые гаишники, в бессилии взирающие на последствия аварии фельдшер и санитар. Случайные зеваки не мешали – подойти к этому участку трассы было непросто еще в то время, а редкие водители при виде оцепления разворачивались и съезжали на соседнюю дорогу.

– Сообщил о ДТП местный житель, увидел издали пламя, – вспоминал рассказ отца Миша. – Довольно быстро подъехал какой-то мужик, высокий, хорошо одетый, в темных очках, деловой такой. Все метался вокруг, сокрушался... То ли друг пострадавшего, то ли работали вместе. Батя-то что, мелкой сошкой был, лишь позже узнал, кем был тот бедняга в машине. Версий произошедшего выдвинули несколько, а в итоге все списали на погодные условия и ошибку водителя. Небольшой стаж за рулем, скользкая скоростная дорога, плохая видимость – ну и, как водится, «не справился с управлением»...

– А какие еще озвучивались версии? – поинтересовалась я. – Мог он быть, например, выпивши?

– Запросто, – развел руками Миша. – Только проверить это не представлялось возможным, от него ведь ничего не осталось, в прямом смысле слова. Какая страшная смерть!

На опознание возили того самого друга, а как опознавать-то, если только по зубам... Да и другие версии не проверишь. Например, мог уснуть за рулем. Могли ослепить фарами ехавшей навстречу машины. Камер видеофиксации тогда, разумеется, не было, такой простор для домыслов! Его автомобиль признали исправным, но сейчас наверняка сделали бы более точную экспертизу, вдруг что-то бы да нашли... Кстати, был еще один момент, бате тогда странным показалось...

– Да? – с надеждой подбодрила я.

– Словом... – Миша задумчиво почесал затылок, будто решая, стоит ли делиться невероятными идеями своего «бати». – История тогда наделала много шума, расследование шло долго, местные гаишники присутствовали при следственном эксперименте, видели расчеты – остановочный путь, тормозной путь, траектория движения, скорость, следы на ограждении... Не буду забивать вам голову премудростями, если в двух словах – темное дело. Выходило, что при подъезде к месту аварии машина вдруг пошла зигзагом. Потом выровнялась, а в бетонное ограждение въехала и во все на полном ходу, словно водитель даже не пытался тормозить.

– Может, и правда был пьяным? – предположил мой благодетель, все это время с интересом внимавший коллеге. – Хотя поймал же он машину после этих зигзагов, почему потом не тормозил? А вдруг ему стало плохо? Или, допустим,

решил по пьяной лавочке свести счеты с жизнью, поэтому и въехал на полной скорости!

Я сосредоточенно слушала, пытаюсь запомнить все эти версии. Увы, за рулем мне не доводилось сидеть уже лет десять, с тех пор как сдала на права. При нынешних пробках доезжать до работы на общественном транспорте оказалось быстрее, на дачу нас всегда возил папа, а потом дачи не стало... Недавно срок моих прав закончился, и при получении нового удостоверения меня даже похвалили за много лет безаварийной езды. Теперь мне оставалось лишь досадовать на себя за водительскую некомпетентность.

В этих условиях воображение упорно подсовывало мне кадры из каких-то детективных фильмов. Машина шла зигзагом. Что-то это напоминало... Ну да, точно, я видела нечто подобное в кино. Находившийся на пассажирском сиденье затеял драку с водителем на полном ходу, руль крутнуло в сторону, машина вылетела в кювет...

– А он точно был один?! – толком не обдумав вариант, выпалила я. – Вдруг боролся с кем-то прямо в салоне, а потом... Не знаю, что случилось потом... Допустим, нападавший оглушил его, оставил на водительском месте, а сам умудрился выпрыгнуть?

Инспекторы переглянулись.

– Точно известно лишь то, что в салоне нашли одного человека. Все остальное – наши фантазии, не подкрепленные доказательствами. Сказать по правде, слабо представляю се-

бе драку в машине на такой скорости. Но, – Миша помедлил, будто готовясь поразить нас сенсацией, – на ограждении чуть сзади, при подъезде к месту происшествия, нашли следы крови. Несмотря на дождь, они неплохо сохранились. Выяснилось, что кровь принадлежала мужчине, ее группа не совпадала с группой крови этого, как его... Боба. Тот, оказывается, незадолго до смерти проходил медицинское обследование, отсюда и известно про кровь. Развивая вашу версию, можно предположить, что пассажир «вырубил» водителя и, выскочив из машины на полном ходу, оцарапался об ограждение. Но в таком случае он должен был быть чуть ли не каскадером, иначе точно расшибся бы в лепешку.

Вот это поворот... Попрошавшись с щедрыми на версии инспекторами, я уселась на остановке в ожидании такси. Что ж, мне подбросили немало пищи для размышлений, и сегодня я узнала гораздо больше Живчика. Если по итогам визита к сестре Боба счет в нашем «турнире» составлял ноль – ноль, теперь я смело могла записать себе в заслуги победу в одном отдельном, но таком важном «матче». Впрочем, сейчас меня волновало совсем другое. Ошибка, суицид, убийство – ни одна из выдвинутых версий не предполагала того, что Боб остался жив. Кажется, шансы взять у него интервью стремились к нулю...

Глава 3

К концу недели счет в нашем «поединке» составлял уже два – один, причем не в мою пользу. Разумеется, я попробовала разыскать того самого друга, который мигом примчался на место аварии. Если верить прессе тех лет и описанию инспектора, на опознание Боба ездил его администратор. На редких фотографиях, попавших в Интернет, этот господин неизменно маячил рядом с певцом, причем его глаза всегда скрывали темные очки.

Я попыталась составить мнение об этом человеке из разрозненных обрывков информации, которую удалось найти в сети. Какой-то бывший неудачливый актер, который с лихвой компенсировал отсутствие искрометного таланта гениальными и рискованными бизнес-идеями. Мелькнул в паре эпизодов, разочаровался в профессии, – или, точнее, в собственной персоне в профессии – после чего продолжил крутиться в творческих кругах, но уже в другой, более авторитетной ипостаси. Организовывал левые выступления звезд тех лет, возил знаменитостей на подобие современных корпоративов, даже был владельцем подпольной студии звукозаписи. На последнем и попался, находился под следствием, сидел какое-то время в СИЗО, откуда довольно быстро, хотя и с ущербом для здоровья, выбрался.

Господин в темных очках знал Боба давно, но по-насто-

ящему их музыкально-коммерческий дуэт развернулся после перестройки. Будто поставленные на конвейер, выступления слились в один бесконечный «чес», приносящий баснословные по тем временам гонорары. Личная жизнь знаменитого музыканта, связанные с ним скандалы, загадочные обстоятельства смерти – администратор мог стать настоящим кладезем информации. Если бы, конечно, – вот задача! – сам не закончил земной путь спустя всего год после гибели своего подопечного.

Досада так и грызла меня изнутри: подумать только, упущен еще один важнейший свидетель! Пусть и снова не по моей вине, но... В отчаянии я решила хватиться за призрачную надежду – и обратилась к одной подзабытой теперь певице, концерты которой когда-то организовывал тот же администратор. Судя по паре снимков в Интернете, она прекрасно знала и Боба.

По телефону, указанному в разделе «Контакты» на неумело сляпанном сайте позабытой старлетки, так и не ставшей звездой, ответили тут же. Узнаваемый женский голос перебил мои пространные объяснения, заявив, что разговор состоится лишь за неприлично круглую сумму, гораздо больше тех жалких грошей, что уже заплатил мой предшественник. Только это могло компенсировать душевные страдания дамы, получившей нелюбезный хамский допрос вместо невинного разговора. И вообще, мой коллега, этот наглый лгун, пообещал ей публикацию в известном журнале, но в

итоге смылся, не оставив координат!

Решив не разорять родное издательство – тем более что клокотавшая от гнева певица явно утратила способность к связному диалогу с представителями прессы, – я переключилась на поиски контактов с музыкантами, когда-то игравшими с Бобом. Меня ждала новая неудача: один из них, в свое время рьяно претворявший в жизнь девиз «Секс, наркотики и рок-н-ролл», давно лежал в могиле, другой на заре девяностых отбыл за границу, где его след и затерялся. Третьего – судя по основательно помятому виду, любителя выпить – я подкараулила у крошечного джаз-клуба, где он изредка играл с другими представителями «старой гвардии».

– Я, конечно, все понимаю: людям надо где-то работать, кушать всем охота... – укоризненно покачал головой пожилой музыкант. – Но ты-то, совсем еще девчонка, неужели не нашла занятия достойнее, чем рыться в грязном белье? Был тут уже один до тебя, такой... мерзопакостный. Лихо втерся в доверие, мол, давний поклонник Боба, хочет побывать на его могиле... Коньяком угощал, я в воспоминания ударился, дурак старый... Этот негодяй уши и развесил, а потом денег предложил, чтобы я самые скабрзные подробности наших гастролей выложил. А я что, я друзей не продаю...

Брезгливо махнув рукой, идейный товарищ Боба скрылся в окутанной сигаретным дымом дали. А я так и осталась стоять на месте, обескураженная его мягкой отповедью и рекордными темпами, с позволения сказать, работы Живчика.

Неизвестно еще, с каким количеством входивших в близкий круг Боба успел поговорить мой неутомимый коллега... Я снова плелась в хвосте этой странной гонки за сенсацией, да и зарулила, если так можно выразиться, не на свою трассу – признаться, на душе у меня острыми совестливыми коготками уже всю скребли устыдившиеся собственной беспардонности кошки.

Дома я в который раз открыла выданную издателем тонкую папку, вытащив из нее вторую отсканированную статью. На сей раз из какого-то цветного, но, судя по криво наляпанным картинкам, дешевого журнала. Материал был датирован 1993 годом – самое начало расцвета подобной бульварщины – и выдержан в духе издания: кричащие фразы, скандальное разоблачение и полное отсутствие заслуживающих доверия фактов. «Советский Элвис жив?» – вопил броский заголовок, под которым шрифтом поменьше значилось: «Новое подтверждение старых слухов. Известного певца, якобы погибшего в автокатастрофе, уже два раза видели на публике».

Смысл растянутого на целый разворот материала сводился к трем предложениям. В начале девяностых человека, подозрительно похожего на Боба, «засекли» в отдаленном спальном районе, у самой обычной средней школы, где он прохаживался рядом с такси. Вскоре его заметили второй раз – в придорожном кафе у поворота на трассу, где произошла памятная авария. Всякий раз певец – или его двойник – со скоростью света ускользал от любопытных глаз, и сделать его

фотографии, учитывая то, что навороченных мобильных с камерами в ту пору не было, не представлялось возможным.

Чем больше я изучала недостойный столь пристального внимания материал, тем больше убеждалась, что это – самая обыкновенная «утка». Похожих людей на свете немало, да и многие из нас, знакомясь с новым человеком, нередко сравнивают его с какой-нибудь знаменитостью. Мне вдруг вспомнилось, как пару лет назад Анька затащила меня в клуб потанцевать. Там ко мне мигом приклеился основательно подвыпивший господин. Весь вечер, пока я не сбежала домой, он увивался за мной, распугивая других потенциальных кавалеров, и в восторге причмокивал: «Ах, ну просто вылитая Моника Беллуччи!» Лестно, но утомительно.

А еще мы часто с готовностью видим то, что хотим видеть... Вот и в этот раз люди, наслушавшись баек про загадочно исчезнувшего певца, могли ухватиться за понравившуюся им версию, наделив отдаленно напоминавшего его человека несуществующими чертами. Или какой-нибудь давний поклонник нарочно «работал» под Боба, пользуясь некоторым внешним сходством. А вдруг писаки вроде нашего Живчика просто состряпали материал не из чего, чтобы раскрутить издание и продать немалый тираж?..

Стоило признать: мое неумелое расследование зашло в тупик. У меня не получалось отделить правду от вымысла, интуиция и креативность спали беспробудным сном, и, где бы я ни появлялась, везде уже умудрялся наследить мой бой-

кий конкурент. Я попыталась мыслить разумно, без эмоций. Продолжать в подобном духе означало тратить время впустую, собирая на себя негатив близких Бобу людей. Зачем, если итог и так понятен? Я совершенно не подхожу для этой работы – меня отличала патологическая честность не только с окружающими, но и с самой собой.

– Вы меня без ножа режете! – искренне охнул издатель, когда я, все-таки поддавшись эмоциям и основательно накрутив себя, позвонила ему с просьбой дать ход моему заявлению об увольнении. – Откуда такие радикальные выводы? Не прошло и недели, как вы занимаетесь этим делом. Непростым, надо сказать, делом!

– Я уже успела понять, что ничего нового не раскопаю. Так зачем, простите, пудрить вам мозги?! – выдала я. – Да, дело непростое – и темное. Не исключаю, что это была не просто авария, а, например, самоубийство. Но нигде, абсолютно нигде нет хотя бы мало-мальских доводов в пользу того, что он жив, понимаете? Напротив, теперь мне совершенно очевидно, что он давно умер!

– Давайте не будем пороть горячку, вас ведь никто не торопит. Временем распоряжаетесь сами, рамок никто не ставит, деньги платят – не работа, а мечта! И, кстати, наш новый спонсор ясно дал понять, что прекратит финансирование, если вы откажетесь участвовать в проекте. Похоже, он разделяет ваше видение развития журнала. Так не губите же меня! – полушутливо воззвал издатель, хотя в его голосе

отчетливо звучало отчаяние. Шеф выдержал долгую напряженную паузу, будто ведя мысленный диалог с самим собой, и вдруг тихо, но уверенно сказал: – А наш герой не умер. Доказательств нет, но я точно знаю это, и не спрашивайте откуда. Просто поверьте: он жив. Жив! И вы обязательно его найдете.

* * *

Вот уже пятнадцать минут я сидела на лавочке у печально знакомой хрущевки, откуда несколько дней назад с позором бежала, столь постыдно отравленная бытовыми химикатами. Не знаю, зачем я вернулась сюда. Не иначе как в очередном приступе отчаяния, так и не придумав, за что еще зацепиться в поисках информации.

«Он жив. Жив!» – неотвязно крутилось в голове. Издатель произнес это утвердительно, и в его тоне слышалось нечто поважнее страха потерять щедрого спонсора. Похоже, он знал гораздо больше меня. Живчик, судя по всему, тоже. Да что там говорить, мне уже начинало казаться, будто я безнадежно уступаю в уровне осведомленности – и, кстати, интеллекта – всему человечеству, а по догадливости не превосхожу вот эту самую деревянную лавочку.

– Деточка... эй, не знаю, как вас зовут, – вдруг раздался сверху чей-то голос, и, подняв голову, я узрела два огромных «глаза» бинокля, уставившихся прямо на меня.

В приступе дежавю я тут же поспешила отскочить на край лавки. Вдруг меня надумают окатить помоями, ошпарить кипятком, расстрелять из рогатки или...

– Да вы не бойтесь! Неудобно вышло в прошлый раз, не разобралась толком... Поднимитесь, поговорим.

Ага, и не подумаю! Боюсь, новой порции отравы мой организм уже не выдержит. И все же... Что-то в тоне дамы, который теперь звучал гораздо мягче и почти виновато, удержало меня на месте. А она, убрав бинокль, уже приветливо махала с балкона какой-то белой тряпочкой, кажется, мокрым носком, который хотела повесить сушиться.

– Считайте, что я выбросила белый флаг, – улыбнулась пожилая женщина. – Не обижайтесь на меня, я и так измучилась угрызениями совести. Ну не заставьте же вы бегать по лестнице немощную старуху! Поднимайтесь. Код помните?

И я решила рискнуть. Правда, оказавшись на втором этаже, помедлила, живо вспомнив об изобретательности и прыти «немощной старухи». Не успела я нажать кнопку звонка, как она открыла, и я инстинктивно отпрыгнула от двери.

– Как хорошо, что вы вернулись, я уже думала вас разыскивать! Кстати, можно на «ты»? – тепло улыбнулась хозяйка, приглашая войти. – Попьем чайку, не возражаешь? Прости за бардак, я затеяла стирку. Балкон-то крошечный, надо пользоваться моментом, пока жарко. Раньше белье сушили по старинке на улице, но теперь это, кажется, совсем архаизм...

Бегло осмотрев доступное взору пространство и пробежав глазами по седовласой даме, я мгновенно все поняла. Похоже, мне удалось развить в себе неплохую склонность к дедукции, раз я тут же нарисовала картину жизни бывшей преподавательницы. Хорошо поставленный и закаленный многочасовыми лекциями голос звучал с похвальной для ее лет бодростью, но неверная походка вразвалочку и притаившаяся у двери трость выдавали проблемы со здоровьем. Ей действительно было тяжело спуститься даже к подъезду – как же она справлялась в одиночку?

«Трешка», хотя и хранившая интеллигентский налет благодаря старому пианино с разложенными на пюпитре нотами и огромным, во всю стену, книжным шкафом, производила удручающее впечатление. Очевидно, сил у хозяйки хватало лишь на минимальную уборку средней комнаты, в которой она и обитала. Но даже здесь на всем лежал толстый слой пыли, особенно заметный в такой солнечный день, как сегодня. Квартире явно требовался ремонт, а ее обитательнице – участие добрых, неравнодушных людей.

– Позвольте, помогу. – Я подхватила стоявший на пороге балкона таз, и вскоре все белье было развешано в соответствии с пожеланиями хозяйки. Потом выяснилось, что к чаю – помимо непосредственно чая – в доме ничего нет, и я сбегала в ближайший магазин за продуктами. По возвращении сестра Боба властно требовала чек, после чего попыталась силой впихнуть мне деньги. Стоило огромных трудов угово-

ритель принципиальную даму забыть о небольшой сумме, заверив, что угощаемся за счет издательства, которому в моем лице требуется ее помощь.

– Только не вздумай меня жалеть, Риточка, – с достоинством изрекла сестра Боба, когда я предложила ей свои услуги в нелегком деле уборки. – Не позволю гостям тряпками махать! Ко мне соцработник приставлен. К тому же регулярно приходят две помощницы, Борькины верные поклонницы. Столько лет прошло, а не забывают старуху... Но сейчас лето: одна на даче безвылазно сидит, другая с внуком отдыхать укатила, вот и колупаюсь до сентября одна.

– Этих поклонниц, наверное, в свое время было пруд пруди? – Я откусила конфетку, радуясь возможности узнать хоть что-нибудь.

– Да уж, когда-то здесь было не протолкнуться! Сидели на лестничных клетках, на улице, периодически расписывали подъезд – соседи ругались страшно, а мы за свой счет стены перекрашивали! Потом поутихло как-то, он тут уже не жил, и можно было вздохнуть спокойно. А после... После этой аварии снова началось. Чуть ли не мемориал устроили, цветы складывали у двери. Но это еще что, главное, объявилось какое-то циничное хамье. Бродили вокруг, пытались втереться в доверие и что-нибудь вынюхать. Такие вопиющие ситуации иногда случались...

На воображение я никогда не жаловалась, вот и теперь, внимая рассказу моей новой знакомой, я без труда мыслен-

но перенеслась в конец восьмидесятых. Страну лихорадило от реформ, выживали люди с трудом, героев недавнего прошлого забывали – и в такой непростой момент одна неутомимая преподавательница языков носилась с идеей организовать концерт в память о своем брате, известном когда-то певце. Разумеется, от нее отмахивались все, к кому она обращалась: мол, денег нет, не майтесь дурью, а лучше подумайте-ка о собственной жизни на нищенскую в ту пору зарплату.

– Меня просто колотило от негодования! – Даже сейчас крупные мягкие черты моей собеседницы исказила злоба. – Так запросто взять – и забыть человека, отмахнуться от памяти, словно его и не было вовсе! Ладно, признаю, я и сама хороша. Родители умерли в середине восьмидесятых, и после этого мы с братом общались крайне редко, каждый жил своей жизнью. Но все же он кое-что сделал в творческом плане, и забыть это... уму непостижимо! В отчаянии я даже обратилась к этому проныре, Борькиному администратору, хотя всегда его ненавидела...

Я в который раз пожалела, что на беседу с важнейшим в моем «расследовании» свидетелем теперь не было ни малейших шансов. Разве что и правда спуститься в преисподнюю – где ему, судя по гневу Нины Николаевны, было самое место. Якобы он не только выматывал Боба жестким гастрольным графиком, но и спаивал, заставляя уважить общением «нужных людей», а еще изобретательно обирал, подсовывал

каких-то вульгарных девиц, ссорил с близкими...

– Его величество едва удостоил меня вниманием, – презрительно фыркнула сестра певца, подливая мне чай. – И слушать не захотел, буркнул что-то и бросил трубку. А у меня ведь остались кое-какие ноты брата, еще с юности, неизданные песни... И вскоре здесь объявился один прощельга, совсем юнец, якобы обговорить вопрос с концертом. Я на минутку отвлеклась, а тот уже по комнате мечется, рыщет. Так и выгнала мерзавца, а ноты хорошенько запрятала.

Когда надежды устроить концерт рухнули окончательно, Нина Николаевна решила проводить нечто вроде ежегодного квартирника – в этой самой хрущевке, для «своих», кучки оставшихся верных поклонников и работавших с Бобом музыкантов. Первая такая встреча прошла на ура, и одинокая преподавательница даже решила, что обрела настоящих друзей. На следующий год встреча повторилась с тем же успехом, только вот спустя пару недель в одном «желтом» издании появилась статья о певце. В которой Нина Николаевна и прочла собственные откровения, по большому секрету озвученные кругу близких на этой самой встрече. К счастью, имя сестры Боба в материале не упоминалось, но это, несомненно, была ее история!

Нрав, как я уже успела убедиться на собственной шкуре, у Нины Николаевны был крутой. Она сразу полетела скандалить в редакцию, требуя назвать имя предателя, решившего заработать на ее доверчивости. А потом, ничего не добив-

шись, жестко, без сожалений разогнала «круг избранных», сохранив общение лишь с двумя проверенными временем – и, кстати, другими тайнами – подругами. Отголоски того скандала доносились еще какое-то время, лишая Нину Николаевну покоя и веры в человечество. Недавно эта история всплыла снова: сначала на ее пороге появился болтливый наглец, пытавшийся усыпить бдительность и выведать что-то о брате, следом за ним явилась хитрая пронырливая девица, ловко прикинувшаяся невинной овечкой...

– Прости, Риточка, – сестра Боба дружелюбно потрепала меня по руке, – я лишь потом поняла, что коллега попросил уделить внимание именно тебе. Хорошо помню твоего дедушку, мы общались пару раз, он советовался насчет переводов. Прекрасный был специалист, дотошный! Но я так разозлилась на того болтуна из журнала, совсем разум потеряла... Он, кстати, успел прочитать злосчастную статью и пообщаться с участниками тех квартирников. Кто-то из них и признался, что именно я поведала о том, как заметила брата спустя несколько лет после его смерти...

– Подождите-ка, – на эмоциях я дернула рукой и опасно задела чашку, – так это вы видели Боба у школы? И в кафе тоже?

– Нет, про кафе ничего не знаю. Но о встрече у школы рассказала действительно я. Собственно, и встречи-то никакой не было... – Пожилая дама вдруг задумалась, погрузилась в молчание, а потом махнула рукой. – А, ладно, что скры-

вать... Дело в том, что примерно за год до гибели брата мы с ним рассорились. В пух и прах. Я все пыталась открыть ему глаза на окружение, прежде всего на этого с позволения сказать «администратора». Приводила аргументы, спорила, а в ответ только одно: «Не лезь, не твое дело». Он все от меня скрывал, но кое-какие слухи доходили. О выпивке, скандалах, гулянках, долгах, каком-то подпольном бизнесе... Однажды Борька забежал ко мне, просто навестить, слово за слово, я и разоралась. Тогда он ушел, хлопнув дверью. Больше мы не общались, и после его смерти... словом, меня замучила совесть. Вот брат, видимо, и привиделся.

– «Привиделся»? – Нет, определенно, еще немного подобного «расследования», и я начну рекордными темпами поставлять Аньке клиентов! Впрочем, сестра Боба наверняка выразилась фигурально, просто заметила кого-то похожего...

– Знаешь, Риточка, как бывает: часто думаешь о человеке, и он начинает везде мерещиться. Или понимаешь, что он должен присутствовать в каком-то конкретном месте, при определенном событии, – и выдаешь желаемое за действительное. Видимо, это со мной и произошло, все время Борьку вспоминала, винила себя за ту затянувшуюся ссору.

Эх, и почему мне вот так не померещится Алик? Хотя бы на мгновение, на одну жалкую секундочку... Внутри все заныло от острой тоски, и я часто заморгала, чтобы не заплакать. Надо сосредоточиться на разговоре. Как-то стран-

но прозвучали слова собеседницы... Что еще за событие она имеет в виду?

– А эта школа... Он что, в ней учился? – растерявшись, уточнила я, смутно осознавая, что несу чепуху. И тут же опомнилась. – Ох, простите, я ведь помню, что он оканчивал школу не в Москве.

– Все верно, – кивнула моя визави и, отправив в рот кусочек торта с легким белым кремом, буднично, мимоходом сообщила: – В тот день его сын пошел в первый класс.

Я поперхнулась и судорожно глотнула чай, пытаюсь остановить кашель. Какой еще сын? Боб ведь был одинок – так, по крайней мере, написано во всех доступных источниках. Представляю, как поредел бы полк его поклонниц, узнай они о том, что у их кумира – такого одинокого, brutального, сексуального – появилась семья! Если есть сын, наверняка была и жена. А что, если до них уже успел добраться Живчик?

От этой мысли я зашла в новом приступе кашля, и вполне еще крепкая ладонь опустилась мне между лопаток. Как-то я читала о неэффективности и даже опасности подобного рода «помощи», но на сей раз неожиданно подействовало. Придя в себя, я обрушила на сестру Боба поток вопросов.

– Сын? О нем нигде не упоминается: ни в Интернете, ни в прессе. Неужели ваш брат был женат? Вы общаетесь с его семьей? Можно ли встретиться с его супругой? Ох, извините, я потрясена, поэтому столько вопросов сразу... Если это – тайна, обещаю, не обмолвлюсь ни с кем ни словечком!

– Риточка, я тебе верю. Но, увы, ничем не могу помочь, – сокрушенно вздохнула Нина Николаевна, вдруг поникнув и разом утратив всю свою энергию. Теперь передо мной сидела не гордая, сохранившая живость ума пожилая дама, а сгорбленная от горя и прожитых лет старуха. – Я потеряла с ними связь, мы не общались много лет. Брат женился втайне ото всех, даже меня на свадьбу не позвал, администратора своего послушал... Как же, кто-то из этих визжащих от восторга барышень пронюхает про его великую любовь, сразу карьера насмарку – ну не чушь? Невеста – если ее можно так назвать – на сносях была, расписались где-то второпях, вот и вся церемония. Потом мальчик родился, назвали то ли Коля, то ли Костя... Что и говорить, плохая из меня вышла тетя, ребенка видела всего ничего, мельком. Последний раз в тот самый день, когда он пошел в школу. Борькина вдова объявилась, пригласила посмотреть на сына, я и сходила. После этого мы как-то перезвонились, а потом они пропали. Признаться, теперь меня греет мысль, что где-то живет мой племянник. Вот бы его разыскать...

Сестра Боба с надеждой воззрелась на меня. Ага, выходит, теперь моя задача осложнилась: придется искать еще и сына Боба... Хотя это ведь в моих интересах тоже, не так ли? Да и долго искать, возможно, не придется. По словам Нины Николаевны, после свадьбы брат стал частенько бывать в родных местах жены, ездил в какую-то отдаленную деревню. Там, скрывшись ото всех, проводил время с близкими, от-

дышал, приходил в себя после очередного «чеса». Возможно, в тех краях что-то слышали о семье известного артиста. Тем более что как раз в этой деревне он и нашел свой последний приют...

С трудом поднявшись, Нина Николаевна добрела до видавшего виды секретера, пошарила в бумагах и протянула мне смятый листок с адресом. Я тут же схватила свой телефон. «Деревня Лесное» – если верить карте в Интернете, именно оттуда и возвращался Боб в то роковое утро. Уже кое-что.

– Его жена мне никогда не нравилась, слишком тихая, забитая какая-то, – немного виновато призналась Нина Николаевна. – Мы никак не могли найти общий язык, она все больше смущалась и отмалчивалась. А парень, Борькин сын, забавный был, крепыш такой, с характером – в нашу породу! Но меня в ту пору закрутила своя жизнь, кандидатскую готовилась защищать, да и личные драмы изматывали. А потом произошла та ссора... Хватилась я поздно, вдруг однажды задумалась: ни мужа, ни детей, брата в ту пору уже не было, а с его семьей все контакты потеряны! Вдова-то молодая была, наверняка еще раз замуж вышла, фамилию могла сменить. Я хотела разыскать родню, отправиться в это Лесное, да проблемы со здоровьем начались, тут самой бы выкарабкаться...

Я обреченно вздохнула. Что ж, судя по всему, в ближайшее время мне предстоит что-то вроде командировки. Пер-

спектива провести часть лета в какой-то глуши уныния не навевала, даже наоборот, я была не прочь немного отдохнуть от суетной офисной жизни. Только вряд ли мне удастся совместить приятное с полезным. Скорее всего, там давно забыли о Бобе и его семье, и я лишь потрачу впустую ценное время. Но проверить этот вариант следовало.

– Сомневаюсь, что найду ваших родных, но обещаю сделать все от меня зависящее. – Я помедлила, решая, стоит ли задавать пожилому человеку самый главный и волнующий вопрос. Но потом вспомнила Анькин совет говорить правду и осмелилась: – Вы сказали, что выдали желаемое за действительное. Значит, уверены, что видели не брата? До сих пор ходят слухи, что он жив, но, как ни печально признавать, подтверждения подобных версий нет.

Нина Николаевна пожала плечами.

– Видишь ли, я – человек рациональный, чуждый всей этой конспирологии. Да, я видела человека, похожего на брата. Такого же роста, чуть полнее, коротко стриженного и уже начинавшего седеть. Не скажу, что это было точное сходство, скорее что-то едва уловимое в том, как он повернул голову, глядя на ту школу, как вздохнул... Не успела я опомниться, как он сел в такси и укатил. Конечно, это был не Борька. Просто накануне я много думала о том, как он мог измениться за прошедшие годы, как радовался бы, глядя на сына. Так что, повторяюсь, мои мысли и сама обстановка вполне благоприятствовали этому «видению». Призраков не существует.

Я снова видела перед собой старуху с потухшими глазами, оставшуюся под занавес жизни в полном одиночестве. Которое, кстати, было совершенно противопоказано человеку ее деятельного ума и кипучей энергии. Кажется, она еще пишет какие-то статьи, перезванивается с коллегами, и те отзываются о ней с теплотой...

– Нина Николаевна, а почему бы вам немного не разнообразить жизнь? – вдруг ляпнула, толком не подумав, я. – Понятно, выходить из дома тяжело, но можно ведь позвать друзей к себе. Организовать стол я помогу. Мне показалось, в институте вас вспоминают по-доброму, сотрудники не прочь навестить...

– Ох, Риточка, неудобно звать людей в такую обстановку, мне вовек тут не убраться, – покачала головой сестра Боба и, упреждая мой новый порыв, гордо вскинула седую голову. – А тебе я этого не позволю, еще что удумала! Дождусь своих помощниц, попрошу их.

Мой разум вдруг прорезала светлая мысль, и я решила, что пора учиться хитрить. Совсем чуть-чуть.

– Понимаете, какое дело... Не буду скрывать, мои дни на работе практически сочтены. Коллеги меня недолюбливают, а тот, которого вы выгнали, и вовсе взялся травить. Мы соревнуемся, кто лучше напишет материал, и перевес на его стороне. Шеф оплачивает все необходимые расходы, но откровенно меня не ценит...

Старуха сочувственно слушала меня, но, судя по недо-

уменьшему взгляду, еще не понимала, куда я клоню.

– Помогите мне отомстить! Давайте вместе «разорим» мое издательство ради благого дела. Пожалуйста, без вас я не справлюсь! Гульнем за счет нашего щедрого спонсора, для него это копейки! А я все сама проконтролирую...

Я еще битых полчаса уговаривала пожилую гордячку пустить к себе специалистов по уборке из клининговой фирмы, а потом потратила примерно столько же на увещевания принять в дар скромный ноутбук, который позволил бы общаться с внешним миром. Наконец, устав возражать, Нина Николаевна сломалась на возможности привести квартиру в какой-никакой порядок.

– Значит, жду тебя завтра, Риточка. Заодно покажу кое-какие семейные фотографии, вдруг пригодятся в твоём задании. И знаешь... – В глазах старухи заблестели слезы, и она на мгновение отвела взгляд, через секунду снова заговорив ровно и четко: – Я не верю в то, что мой брат жив. Он все-таки был известным человеком и вряд ли мог скрываться где-то неузнанным столько лет. Нет, не верю. Но... Словом, если ты все-таки его найдешь, передай: пусть позвонит.

Глава 4

– За перевозку багажа мы берем дополнительную плату, вас ведь предупредили? – недовольно бросил таксист, когда днище машины опасно просело под тяжестью огромного, набитого под завязку чемодана.

Я кивнула и уставилась в окно, надеясь, что неприветливый водитель не станет отвлекать меня разговорами на протяжении этой долгой поездки. Мне требовалось сосредоточиться и продумать план действий. Хорошенько поразмыслить за последние дни не удалось: я крутилась в хрущевке сестры Боба, контролируя уборку квартиры и подключение Интернета, обучая работе с компьютером, рассматривая старые семейные фотографии, а потом и помогая с обещанным угощением для гостей.

Общаясь с новой знакомой, я не чувствовала усталости. И, клянусь, действовала без задней мысли. Просто мне было приятно о ком-то заботиться – это отвлекало от горестных мыслей о личной потере и досады на собственную профнепригодность. Не говоря уже о том, что я снова окунулась в знакомый мне с детства благодаря деду чарующий мир бумажных книг, жарких споров переводчиков и приятных интеллигентных вечеров под фортепиано.

– Нравится? – спросила Нина Николаевна, закончив играть очередную незатейливую, но приятную мелодию. Я кив-

нула, убирая в сервант последнюю вымытую после приема гостей чашку. – Это брат написал. Еще в стародавние времена, до этих своих ужасающих творческих экспериментов. Ах, деточка, как бы мне хотелось, чтобы ты нашла того мальчика, Борькиного сына! Все эти ноты должны по праву принадлежать ему. Кто знает, вдруг он тоже стал музыкантом... Только бы тебе повезло!

Спохватившись, Нина Николаевна велела принести из другой комнаты маленькую шкатулку. И когда я выполнила ее просьбу, достала оттуда какую-то миниатюрную подвеску на цепочке. Приглядевшись, я распознала серебряный кулон в виде четырехлистного клевера.

– Держи, Риточка, – улыбнулась старуха. – На удачу. Что-то вроде семейной реликвии.

– Что вы, не стоит, – энергично замахала руками я. – Мне ничего не нужно! Давайте вернем все на место, а потом забьем в ваш телефон номер моей подруги. Я с ней договори-лась, смело звоните, если в мое отсутствие что-то понадобится.

– Спасибо, – расчувствовалась сестра Боба. – А кулончик все же возьми, не обижай меня. В нем нет никакой ценности, кроме того, что он с давних пор хранится в нашей семье. Вот представь, найдешь ты моего брата... Если он и правда скрывался где-то столько лет, наверняка не станет доверять незнакомому человеку. А наденешь кулон, Борька поймет, что ты от меня, и сразу растает.

Ох, боюсь, кто-то тоже начал хитрить... Она ведь ясно дала понять, что не верит слухам о брате! Хотя эти увещевания не были лишены логики. После долгих препирательств я скрепя сердце взяла подвеску, решив, что верну ее по возвращении. Оставалось лишь надеяться, что Боб не держит зла на излишне эмоциональную сестру – и не станет отбиваться кастрюлями от «ее человека». Если, конечно, он действительно жив...

Теперь подвеска лежала в крошечном футлярчике с парочкой других нехитрых украшений. Мне не хотелось набирать с собой много вещей, но в сражении с помогавшими в сборах мамой и Анькой я безнадежно проиграла. Они считали своим долгом снарядить меня в командировку по высшему разряду: первая подпихнула к стопке вещей резиновые сапоги и слишком теплую для июля куртку, а вторая положила среди футболок длинное вечернее платье. В ответ на мой недоуменный взгляд обе дружно бросили: «На всякий пожарный».

Долгая возня с чемоданом была вполне оправдана. Мне предстояло отправиться в родные края жены Боба, и деревню, судя по карте, обступали густые леса. Я было испугалась перспективы снимать угол в бревенчатом доме с удобствами во дворе, но выяснилось, что лет пять назад в живописной глуши возвели довольно дорогой парк-отель. Забронировать номер в разгар сезона получилось неожиданно легко: добираться сюда любителям отдыха в средней полосе было

далеко, да и цены, мягко говоря, кусались. Зато я могла без зазрения совести продолжать разорение не оценившего мои таланты издательства.

Что же касается плана действий, то он был предельно прост. Требовалось быстро освоиться на новом месте и, старательно изображая из себя беспечную отпускницу, выведать что-нибудь о жене и сыне Боба. Дальше оставалось действовать по обстановке. И надеяться, что на сей раз безрассудные и опасные приключения, в которые я имела свойство вляпываться, обойдут меня стороной.

* * *

– Вам у нас понравится: приятное сочетание комфорта и природы, шведский стол, бассейн, развлечения... Сегодня вечером, кстати, караоке, а через два дня – праздник, – выдавая мне ключ, приветливо улыбнулась сотрудница отеля. – Наш основной контингент – семейные пары и пожилые люди. Но и вам скучно не будет, наверняка найдете себе компанию.

А это как раз было бы лишним... Анька, может быть, и навязала мне пресловутое вечернее платье, только «выгуливать» его я не собиралась. После офисной травли и непросто-го начала «расследования» хотелось побыть в одиночестве, тем более что уют чистенького номера и свежий воздух располагали к отдыху. Быстро разложив вещи, я немного про-

гулялась по ухоженной территории и отправилась на ужин.

Разнообразие блюд и услужливость официантов вполне соответствовали почетному званию «парк-отель». По залу носились визжащие ребяташки, кое-где за столиками сидели пары чуть постарше меня, а совсем рядом оживленно верещали три загорелые до черноты бодрые дамы неопределенного возраста – судя по всему, пожилые мамыши каких-то обеспеченных деток.

Не успела я ковырнуть вилкой в салате, как рядом раздалось звяканье тарелок, и все трое бесцеремонно плюхнулись за мой столик.

– Не возражаете, милочка? – вступила одна из дам, и когда я, подавив вздох раздражения, выжала из себя улыбку, застрекотала: – Мы отдыхаем уже третью неделю, успели застучать, а тут видим – новое лицо! Познакомимся?

О наслаждении вкусным ужином в приятном одиночестве можно было забыть. Следующие десять минут я, пытаюсь не проглатывать пищу до неприличия быстро, выслушивала пустую болтовню о температуре воды в бассейне, чудесном массажисте и до недавних пор вяло работавшей анимации.

– Нам надоели эти древние фильмы, мы уже наизусть их знаем! И на всех экскурсиях перебивали! – возмущенно сообщила одна.

– В хорошую погоду на речке торчали, а тут дожди зарядили, так уныло стало, – подхватила вторая. – Сходишь в бассейн или к косметологу, потом сидишь все время в номе-

ре – ну разве это отдых?

– И тогда мы отправились жаловаться директорше, она тут молодая, энергичная, мигом разогнала этих лентяев, что отвечали за развлечения, – с гордостью поделилась третья. – И вот результат! То танцевальные вечера, то караоке... А скоро обещают настоящий народный праздник в лесу, здесь такая традиция. Только представьте: поздний вечер, костры, древние обряды, гадания, песни, девушки с венками... Мы уже и костюмы себе придумали!

Обряды и гадания интересовали меня меньше всего, и я решила повернуть разговор в интересовавшее меня русло:

– Скажите, а есть ли тут поблизости интересные места? Может, посоветуете, что посмотреть в окрестностях?

Дамы в один голос загалдели:

– Конечно! Прямо за территорией речка, чистая, можно купаться. Рядом с речкой церковь. Лес вокруг густой, если не боитесь заблудиться, наберете ягод и грибов. На экскурсии возят в ближайший городок, это километрах в двадцати отсюда. Там музей, магазин, кафе со свежей выпечкой...

Эх, все не то! Словно нарочно усиливая мое раздражение, новые знакомые принялись в мельчайших подробностях живописать о поездке на какой-то рынок. Я поспешила перейти к чаю, досадуя на испорченный ужин и трех не в меру активных теток, так и не сообщивших мне ничего стоящего. А они уже вернулись к обсуждению так ожидаемого всеми праздника, наперебой вспоминая то Гоголя, то Есенина...

– Милочка, вы просто обязаны пойти, – принялась уговаривать одна из товарок, и остальные согласно закивали. – Молодая, красивая – кому, как не вам, развлекаться? А мы для вас уже кавалера нашли! Он тут пятый день, такой остроумный, общительный – вмиг нас покори! Вы будете чудесной парой...

Понятно. Взвывший от скуки за две недели отдыха «актив» решил заняться излюбленным делом – составлением пар и последующими сплетнями. Нашли кого агитировать! Сейчас я и нормальных-то мужчин вроде нашего издателя не воспринимала, что уж говорить об этом «остроумном и общительном» – наверняка какой-нибудь закомплексованный, великовозрастный...

– Ритка! – вдруг раздался над ухом знакомый развязный голос, и кусок пирожка застрял у меня в горле. – Вот это сюрприз! Радость моя, какими судьбами?

– Такими же, видимо, что и ты. – Я помедлила, прежде чем обернуться, еще надеясь, что переживания последних дней вызвали у меня эту кошмарную галлюцинацию. Увы, передо мной стоял Живчик собственной персоной, уже довольно загорелый и расслабленный. Судя по веселому галдежу женщин, именно его и предназначили мне в спутники.

– Дамы, мы с Ритой вместе работаем и хорошо общаемся, даже дружим. Красотуля, ты в каком номере? – Не давая опомниться, он схватил мой ключ, лежавший на столе, и перевернул, рассматривая цифры. – Фу-у-у, что-то ты по-

скромничала! Перебирайся ко мне, я-то люкс снял. На твоём же этаже, комфортно, просторно – только скучно одному. А там и мини-бар, и мягкая кровать с балдахином! Кстати, тут чудесный аквацентр, купальник прихватила? И сауна – пойдём попаримся, туда можно и голышом...

Живчик все болтал и болтал, отпуская сальные шуточки и явно наслаждаясь моим замешательством. Он снова опередил меня, на сей раз на рекордные четыре дня. Представляю, сколько всего удалось разузнать за это время! Может быть, мне стоит уехать прямо завтра, не тратя время впустую? Нормального отдыха все равно уже не получится...

– Молодец, вняла моему совету и наконец-то сменила имидж. – Он с одобрением кивнул на мои распущенные длинные волосы и легкую светлую блузку. И захихикал, доверительно обращаясь к женщинам, взиравшим на нас с нескрываемым любопытством: – Представляете, дамы, до недавних пор Ритка ходила вся в черном. Такая унылая была, брр! Но я нашел к ней особый, мужской подход...

Лица участниц «актива» зажглись пониманием, и меня затрясло от ярости. Ну что за человек такой, зачем он несет всю эту чушь, ставит меня в неловкое положение, потешается над моим настроением? Не далее как час назад, прогуливаясь по ухоженной аллее, я с грустью вспоминала прошлое лето. Как-то Алик приехал навестить меня за город, сумев вырваться от неотложных дел всего на полдня. Мы гуляли, любовались закатом, занимались всякими романтиче-

скими глупостями прямо на крыше... Нынешние ароматы свежей зелени и прохладный ветерок с речки напомнили мне об этом моменте счастья, которое больше не повторится. Теперь я была одна, и рассчитывать на защиту любимого мужчины не приходилось...

– Представляете, дамы, – резко поднявшись, в тон Живчику издевательски пропела я, – тот «особый подход» так меня впечатлил, что я впервые в жизни ударила человека по лицу. Мало того – не просто человека, а, как выяснилось только что, моего друга! И, боюсь, если он будет крутиться рядом и мешать мне, история повторится. Поэтому советую ему держаться от меня подальше – еще ненароком разойдусь и спущу его с горки в аквацентре, прямо носом вниз...

Окончательно сбитые с толку, дамы недоуменно замолчали. Воспользовавшись моментом, я вежливо попрощалась и, смерив Живчика полным презрения взглядом, направилась к выходу. Судя по донесшимся вскоре репликам, мой конкурент мигом оправился от неумелой угрозы и стал развлекать женщин небылицами об «унылой Ритке».

* * *

Я и не думала, что в такую жару мне все же пригодятся резиновые сапоги. Но ночью прошел атмосферный фронт, разразилась гроза, и выглянувшее утром солнце не успело просушить траву. Отойдя от окна, я ткнула в кнопку пульта,

но вместо обычной картинки новостей телевизор отозвался белым шумом и рябью. Проблемы с антенной, видимо, пострадавшей в неравной битве со стихией, не шли ни в какое сравнение с другой неприятностью – потерей мобильной связи. Еще накануне я дозвонилась до родителей с превеликим трудом, теперь же заветные полосочки сигнала и вообще пропали с экрана телефона. Мессенджер не работал, а крошечный походный ноутбук огорчал надписью «Нет доступных точек подключения». Вот вам и хваленый Wi-Fi, которым заманивали на сайте парк-отеля! Впрочем, и старый добрый 4G спал беспробудным сном.

Теперь, когда карта области, информация о ближайшем городишке и точное расписание транспорта оказались недоступны, оставалось только отправиться наобум гулять по окрестностям. Забившись в уголок еще пустовавшего по случаю раннего часа зала, я быстро проглотила завтрак. Потом забежала в номер, переделалась в футболку и спортивные брюки, сунула ноги в сапоги и отправилась на разведку местности.

Выйдя за территорию, я перешла дорогу, по которой изредка пролетали машины, и двинулась по узкой тропинке – авось куда-нибудь да выведет! И точно: минуты через три я уперлась в кубик магазина, рядом с которым на небольшом пяточке располагались три покосившихся пластиковых стола с хлипкими стульями – подобие придорожного кафе. В одном из таких заведений неподалеку отсюда двадцать с лиш-

ним лет назад и видели Боба...

– Здравствуйте. Что-то хотели? – Из кубика высунулась светловолосая девушка и, окинув меня взглядом, по-свойски бросила: – Классная футболочка. Где брали? Вы из Москвы? В отеле остановились?

– Доброе утро, – протянула я, немного растерявшись под напором любопытной продавщицы. И стала отвечать на вопросы в обратном порядке. – Да, отдыхаю в отеле, приехала из Москвы. Футболка... Не помню, кажется, покупала еще весной, в торговом центре, наверняка такие сейчас пошли в распродажу. И – спасибо, мне ничего не нужно, только узнать... Здесь есть достопримечательности? Хочу прогуляться, посмотреть что-нибудь интересное...

Девушка с недоумением воззрилась на меня.

– Да что тут смотреть, в глуши... Вот скоро будет праздник, ваш отель уже который год проводит, тогда и развлечетесь. Все местные приходят, такое событие в наших краях! А больше ничего нет, только лес и речка. Хотя... – Ее лицо, на миг исказившись кипучей работой мысли, вдруг просияло. – Ну да, точно, он ведь тоже об этом спрашивал! Мужчина из вашего отеля...

Так-так, чудесненько. Наверное, мне пора вернуться обратно, сложить вещички и спешно отбыть домой, пока позор и профессиональная несостоятельность не стали слишком очевидными. Впрочем, куда уже очевиднее? Как некстати дала сбой мобильная связь, лишив меня возможности сно-

ва позвонить издателю и все-таки пусть с третьего раза, но уволиться!

– И что же вы рассказали Жив... то есть тому мужчине?

Продавщица пожала плечами.

– Нечего было рассказывать, у нас такая скукота! Но потом он спросил про того певца, который разбился неподалеку отсюда, не помню, как его звали... Меня в ту пору еще на свете не было, а вот напарница говорит, слухи какие-то ходили, якобы покойник появлялся в этих краях спустя лет пять после смерти. Только все это выдумки, быть такого не может!

– Разумно рассуждая, конечно, не может, – согласилась я. – Но, с другой стороны, зачем кому-то выдумывать?

– Как зачем? – снисходительно, как маленькой, стала растолковывать собеседница. – Раньше на месте вашего отеля санаторий был, потом эту развалюху продали за сущие копейки, начали перестраивать. Говорят, новый владелец и пустил слухи, чтобы привлечь отдыхающих. Он же, кстати, начал народные праздники устраивать – у нас еще леса нетронутые остались, как по заказу, папоротники, речка... Отель несколько раз менял хозяев, но традиция прижилась. Людям нравится вся эта мистика, вот и верят сказкам. Если вам интересно, сходите к церкви, вокруг кладбище, на нем и похоронен тот певец. Раньше сюда какие-то тетki изредка приезжали, поклонницы, что ли... И еще в поселке у речки сохранился дом, в котором до сих пор живут его родные.

Я поблагодарила разговорчивую девушку, с грустью осознавая, что ее информация безнадежно устарела. Живчик наверняка уже побывал и в церкви, и на кладбище, и в доме, настроив против себя – а заодно и меня – всю округу. Ладно, поброжу по окрестностям в надежде, что местные не спустят на меня собак – и не только в переносном смысле...

Но скучающая продавщица явно не желала меня отпустить, радуясь возможности поболтать хоть с кем-нибудь. Подойдя ближе, она понизила тон и доверительно сообщила:

– Если надумаете гулять в лесу, будьте осторожны. Такая глухомань, немудрено заблудиться... Даже на помощь позвать не сумеете, мы тут частенько без связи сидим. Можете смеяться, я сама только что вас разубеждала, но если честно...

Она интригуяще замолчала, углубившись в свои мысли, и я не выдержала:

– «Но»?

– ...в наших краях и правда много мистического, – ого-рошила девушка. – Все местные ходят только в один лесок, а вот дальше, за речкой, есть другой. Мы называем его Графским, раньше вроде бы там какое-то поместье было. Этот лес лучше обходить стороной. Болтают, будто там почти сплошная чащоба, а за ней пруд, окруженный яблонями-дичками. Еще моя бабушка говорила, будто в том пруду кого-то утопили, а рядом с дичками всегда лешие водятся... По слухам, в самой глубине Графского леса живут люди. Они умерли

много лет назад, но существуют, как мы с вами. Самые настоящие призраки.

Вот засада, а я уже было подумала, что встретила мыслящего современного человека, который, кстати, изложил складную и разумную версию появления слухов о «воскресшем» певце! Но нет, и она туда же – сказки, призраки, лешие, утопленники... С такими поверьями в этой округе впопугу создать целый туристический кластер для любителей пообщаться с нечистой силой!

Видимо, скепсис явственно отразился на моем лице, раз продавщица обиженно надулась.

– Можете верить, можете нет, а народ зря говорить не будет. Я сама никогда бы не поверила, если бы не слышала своими ушами. Иногда здесь видят людей, которых уже нет на этом свете. Вот как вашего певца. Недавно была история... – Она притихла, оглянулась по сторонам и перешла чуть ли не на шепот. – Где-то с месяц назад среди бела дня подъезжает сюда целая делегация. Две черные машины с какими-то братками, номера столичные. Один, шустрый такой, стал расспрашивать, не видела ли я здесь кого-то незнакомого, какого-то мужчину. Вроде как денег он им должен, и немало. Потом второй подошел, и из их слов я поняла, что мужчина тот умер. Но они его ищут – как живого!

Глядя в округлившиеся от переизбытка чувств глаза собеседницы, я лишь отмахнулась:

– Не стоит волноваться, наверняка вы что-то не так поня-

ли. Они могли выражаться фигурально, например, «Мы найдем его, живого или мертвого». «Из-под земли достанем». «Не скроется от нас даже в могиле»... Столько всего сразу на ум приходит! Вы и решили, что ищут живого мертвеца.

– Может быть, может быть, – задумчиво покачала головой девушка, которую явно не убедили мои слова. И, заметив парочку подошедших покупателей, поспешила к ним, на прощание кинув: – А вы все-таки будьте поосторожнее, мало ли чего...

* * *

Случайно задев плечом густую еловую ветку, я поежилась от упавших на голову холодных капель. Но даже этот внезапный душ не освежил мой утомившийся рассудок. И зачем меня понесло в этот дурацкий лес... Наверное, требовалось окончательно утвердиться в своем скепсисе, но вместо этого я самым банальным образом заблудилась.

После разговора с продавщицей я развернулась и направилась напрямик к лесу, тянувшемуся вдоль асфальтированной дороги. Солнечные блики причудливо играли на темных еловых стволах, аромат смолы напоминал о школьных каникулах на даче, и я бесстрашно спустилась по первой попавшейся тропинке.

За небольшой хвойной полосой показалась светлая поляна, обрамленная березами. Как-то незаметно, отправляя в

рот попадавшие по дороге ягоды земляники и по старой привычке осматривая кочки на предмет грибов, я углубилась в лес – и не заметила, как вышла к какому-то полю.

За полем чернел еще один лес, видимо, тот самый Графский, с живыми мертвецами. На всякий случай я запечатлела пейзаж, щелкнув камерой телефона, в отсутствие связи превратившегося в фотоаппарат с часами. Времени до обеда было хоть отбавляй, и я бодро двинулась вперед, наслаждаясь жаркими солнечными лучами.

Уже через пару минут я осознала свою ошибку. Поле, казавшееся небольшим и таким ровным со стороны, на деле было испещрено кочками. Неверно оценив расстояние и собственные силы, я утомилась, даже не добравшись до середины. Но при мысли о возвращении по этим ухабам мне стало дурно, и я двинулась вперед, надеясь все-таки выйти на чистое гладкое пространство. Какое там – комья еще не подсохшей грязи противно чавкали под сапогами, а сверху безжалостно палило полуденное солнце...

Кроя свою неутомимую натуру последними словами, я наконец-то добралась до густой травы, отделявшей кромку поля от леса. И – о чудо! – заметила едва различимый намек на дорожку, будто след от проехавшей несколько дней назад машины. Призраки на автомобилях – это что-то новенькое. Видимо, сюда регулярно приезжают на отдых компании с палатками, а слух о нечистой силе пустили специально, чтобы местные не мешали разнузданным шашлыкам на природе.

Я двинулась по следу, то и дело проваливаясь в заболоченные рытвины и раздвигая обступавшие дорожку кусты. На мое счастье, этот участок закончился быстро, и я ступила на твердую землю. Вдали маячила какая-то вода, возможно, тот самый пруд, а примерно в метре от меня в траве виднелось что-то оранжевое, будто корка от апельсина. Я подошла ближе – так и есть, подосиновик! Если и дальше так пойдет, я уеду отсюда с ценным уловом. Можно засушить грибов или просто заморозить крепкие экземпляры, но сначала, как водится, надо запечатлеть эту красоту...

Не отрывая глаз от яркой шляпки, я прошла вперед и присела перед грибом. Поцелкав камерой телефона, я оставила самые удачные снимки и уже наклонилась, чтобы аккуратно выкрутить подосиновик. В этот самый момент впереди, у воды, что-то глухо хлопнуло. Я инстинктивно присела ниже, спрятавшись за ближайший куст, осторожно выглянула из-за веток и... не поверила собственным глазам. У пруда стояла новенькая темная машина. Какая-то иномарка. Причем развернутая так, что, будь у меня бинокль, можно было увидеть ее номера. Но, главное, у дверцы машины застыли двое мужчин в черном, напряженно всматривавшиеся прямо в мою сторону! Караул...

Меня мгновенно накрыла паника, и я застыла на месте, как изваяние, стараясь не дышать. Но потом встряхнулась и попыталась мыслить логично. С чего это я так испугалась? Разве гулять в этом лесу запрещено? Ну, увидят они меня,

отдыхающую из отеля, которая выбралась пособирать грибы, и что такого? И все-таки интуиция подсказывала, что лучше, как говорится, не высовываться. Стараясь не производить лишнего шума, я аккуратно нащупала кнопку выключения звука на телефоне. Связи по-прежнему не было, но кто знает, вдруг чей-то звонок прорежется в самый неподходящий момент... Услышали же они щелчки моей камеры!

Спустя пару минут я смогла перевести дух. Кажется, угроза миновала. Мужчины постояли, покурили, потом достали из машины большой бумажный пакет с узнаваемым логотипом производителя фастфуда. Пока они с аппетитом уплетали гамбургеры, о чем-то переговариваясь, мне пришла в голову идея подобраться поближе и сфотографировать машину. Меня всегда отличал – как бы это сказать помягче? – удивительно пытливый ум. Неугомонный, обожавший тайны, мигом раздувавший из мухи слона. Вкупе с буйным воображением составлявший прямо-таки взрывоопасную смесь. Вот и теперь я, забыв об осторожности, затеяла игру в шпионов.

Убедившись, что люди в черном заняты перекусом, я на корточках доковыляла до ближайших зарослей осин и, на мгновение высунувшись, пару раз нажала кнопку камеры. Потом снова притаилась за ветками, выжидая момент, когда можно будет потихоньку выбраться и потрусить обратно к полю.

Похвалив себя за удачную операцию, я вдруг задумалась:

а чему это, собственно, я радуюсь? В поисках Боба я не продвинулась ни на шаг, зато узнала кучу ненужной чепухи о леших – и даже запечатлела парочку из них.

Решив хорошенько обдумать все уже в своем номере, я поднялась и развернулась к еле заметному следу от колес, приведшему меня сюда.

И тут совсем рядом, в зарослях, что-то отчетливо хрустнуло. Потом еще, и еще... Меня захлестнула вторая волна паники, а вместе с ней и ощущение, будто все это время за мной кто-то следил. Потеряв от страха ориентацию в пространстве, забыв о необходимости соблюдать осторожность, я нелепо крутнулась на месте и ринулась куда глаза глядят. Под ногами шуршала трава, по бокам колотили упругие ветки, а я неслась и неслась, не разбирая дороги. Те двое наверняка уже засекли меня, но еще больше пугал некто таинственный, явно наблюдавший за моими шпионскими потугами.

Очнулась я спустя минут пять – и непонятно где. Вокруг стояла тишина, только деревья слегка покачивали кронами на ветру. Отдышавшись, я постаралась восстановить в памяти все, что знала о положении солнца, мхах, муравейниках – хоть о чем-нибудь, что могло бы указать мне правильную сторону света. Видимо, мой разум основательно помутился от страха, если лишь спустя какое-то время после мучительных попыток воскресить в памяти курс юного натуралиста я вспомнила про компас в телефоне. И оценила его полную

бесполезность, ведь я совсем не знала, какое именно направление мне нужно. Хорошенькое дельце, и куда теперь двигаться?

Я беспомощно замерла, чувствуя, будто меня со всех сторон зловещими тенями обступают деревья. Голова отчаянно кружилась, ноги дрожали, и сейчас мне хотелось только одного – забиться в какую-нибудь норку, сжаться в комочек. От испуга я не могла даже плакать, оставалось только мысленно поносить себя за безрассудство и привычку вынюхивать, которая в свое время сводила с ума Алика...

При воспоминании о любимом я машинально вскинула глаза. Однажды мы пообещали друг другу смотреть в разлуке на небо и представлять, как другому светит то же самое солнце. Вот и сейчас, вообразив где-то под этим солнышком своего прекрасного синеглазого Алика, я вдруг успокоилась и обрела способность мыслить логично. Ну как... скорее алогично.

Итак, я потерялась в глухом лесу, который местные предпочитают обходить стороной. Без мобильной связи и еды, ага. Зато в резиновых сапогах и с интересными снимками. Мне вспомнилось выражение «Леший запутал» – нечто подобное и произошло со мной. Но если существует тот, кто все запутал, наверняка есть и те, кто выведет меня отсюда. Какие-нибудь добрые гномы, например... Идея, конечно, бредовая, достойная Анькиной любимой клинической психологии, но, может, стоит сесть на пенечке и ждать спасения

от неведомых светлых сил, а не метаться по лесу как угорелая, навлекая на себя новые беды?

Я оглянулась в поисках достойного пенечка, и тут до меня снова донесся хруст. Кто-то будто нарочно гнал меня с места, и я, вдруг устав бояться, покорно направилась вперед. Пройдя довольно длинный лесной участок по прямой, я остановилась – и вскоре снова услышала хруст, но уже слева. Я свернула в этом направлении – и уткнулась в широкую просеку. Ого, уже кое-что! Смело двинувшись по ней, вскоре я стала различать шум машин, а потом увидела среди деревьев долгожданный просвет. Еще несколько метров вперед – и я на дороге, той же самой, которую переходила несколько часов назад, только с другой стороны от отеля. Невероятно, но мне удалось выбраться!

Я с облегчением вздохнула, только сейчас в полной мере осознавая, в каком ужасном напряжении провела последние полтора часа, и побрела к видневшемуся неподалеку отелю. Я пыталась проанализировать сегодняшние приключения, но сосредоточиться никак не удавалось. И вдруг туман в голове прорезала первая за день светлая мысль. Призраков и гномов не существует, это точно. Но кто тогда вывел меня из леса? Неужели в этих краях и правда происходит нечто мистическое? Или, не справляясь с гнетом переживаний и проблем, я... медленно теряю рассудок?

Глава 5

Кто-то ковырялся в замке. Медленно, еле слышно пытался повернуть что-то внутри, рассчитывая проникнуть в мой номер из коридора. Притаившись у двери в крошечной тьме, я выжидала подходящий момент и готовилась вот-вот претворить в жизнь план действий по нейтрализации нарушителя спокойствия. Мне не было страшно, зато колотило от ярости. А все потому, что я точно знала имя злоумышленника...

Сегодня, утомленная лесными приключениями, я решила провести остаток дня в блаженном ничегонеделании. После спешного обеда, во время которого мне, к счастью, вновь удалось избежать встречи с ненавистным конкурентом, я рухнула в постель. Отдых немного восстановил силы и, чуть не проспав ужин, я отправилась прогуляться на ночь. Возвращаясь обратно, я, как на грех, попала в самый разгар танцевального вечера в холле. К моему изумлению, среди бойких пожилых дам и маленьких деток выплясывал... Живчик!

По закону подлости проскользнуть к лифту незамеченной мне не удалось.

– Ритка! – Обдавая меня алкогольным амбре, заходившийся в непонятной эйфории конкурент закрутился вокруг, смешно выкидывая коленца. И вдруг огорошил вопросом: –

Кофе варить умеешь?

Решив не удостаивать это мерзкое создание ответом, я акkuratно обошла его и двинулась дальше. Но не тут-то было...

– Значит, не умеешь? – снова пристал он и, наконец-то перестав крутиться, преградил мне путь. – Учись, пригодится. Потому что скоро я возглавлю журнал – и, разумеется, в обозревателях тебя не оставлю, мне нужны настоящие профи! А вот в секретарши сгодишься. Будешь ездить со мной по командировкам, всячески меня улаживать... ммм, мечта! Скажи спасибо, подруга, нравишься ты мне, а то вообще выгнал бы взащей. Ну что смотришь, я так продвинулся в решении задачи, тебе и не снилось!

Живчик по привычке паясничал, но его последняя фраза прозвучала с облегчением и неподдельной гордостью. Словно он действительно предпринял важные шаги и вот-вот справится с заданием, доселе казавшимся невыполнимым... Мне требовалось скорее уйти, чтобы не выдать потрясения и «сохранить лицо».

– Поздравляю, – постаравшись вложить в одно это слово все свое презрение, хмыкнула я. – Только не рано ли радуешься и делишь должности, дело ведь, как я понимаю, еще не закончено? А даже если так, кофе я тебе сварю один-единственный раз. И, не сойти мне с этого места, в нем будет стрихнин!

Диджей очень вовремя приглушил музыку, собираясь на-

помнить о завтрашнем великом празднике, и мои последние слова слышали все. Мигом уловив начало разборки, окружающие с любопытством воззрились на нас. Живчик помахал руками, чтобы успокоить «зрителей», и, повернувшись ко мне, снисходительно заметил:

– Да ладно воевать, Ритка! Проиграла – имей достоинство признать. Со мной лучше дружить, это в твоих же интересах. Так что готовься, загляну к тебе через часик!

Придя в ужас от этой «заманчивой» перспективы, я вполне ожидаемо потеряла остатки терпения. И, отталкивая уже притиснувшегося ко мне конкурента, прорычала:

– Отвали, чудовище! И не смей даже приближаться ко мне, понял?

Фурией влетев в номер, я долго не могла прийти в себя и в ярости мерила комнату шагами. Ну почему, скажите на милость, этот бессердечный хам оказался на пути к победе? Живчик лгал, как дышал, но только что, кажется, выдал чистую правду. И уже расслабился, начал праздновать успех... Стоп. Он ведь собрался ко мне зайти – а вдруг это пьяное недоразумение действительно возникнет у меня на пороге? И начнет ломиться в мой номер?

Как все же до обидного мало я знала о защите жилища! Конечно, не далее как несколько дней назад сестра Боба преподала мне занятный урок. Я в который раз посетовала на проблемы со связью, лишившие меня шанса получить консультацию настоящего специалиста. Да и отравы для насеко-

мых в моем распоряжении не было... Знала бы, обзавелась достойным «оружием» сегодня утром, в магазине разговорчивой продавщицы. Теперь оставалось лишь искать достойное применение тому, что было под рукой.

Я предусмотрительно заперла дверь, решив держать оборону до последнего, и отправилась к шкафу для ревизии вещей. Несколько лет назад я работала в сфере юридической журналистики, и теперь очень кстати пришел на ум материал о недопустимости превышения пределов необходимой самообороны. Значит, остается отбросить все кровожадные идеи, которые уже роились у меня в голове и на которые меня так и провоцировал этот наглец. Никаких удушений голыми руками, кипятка из чайника, сладостного прихлопывания मुखобойкой... Ах, как жаль!

Пять минут раздумий – и мой рассудительный, четко выверенный и в меру жестокий план был готов. Я предусмотрительно влезла в удобные кроссовки, которые купила пару месяцев назад, решив перейти с бодрых прогулок на бег. Спортсменки из меня не вышло, зато новенькая подошва с агрессивным протектором и острыми шипами сейчас пригодилась как нельзя кстати.

Поставив на тумбочку у входной двери баллончик освежителя воздуха из туалета и прихваченный на всякий случай в поездку фонарик, я задумалась. Чего-то не хватает. Ну да, помнится, в боевиках, которые я смотрела в юности в компании друзей, у героев была маскировка – широкие черные

полосы во все лицо. Пошарив в бездонной косметичке, я извлекла на свет божий банку мятной маски для лица, которую сунула с собой под нравоучения Аньки о том, что даже на природе о коже нужно тщательно заботиться. Теперь все «ингредиенты» предстоящей оборонительной операции были готовы.

Обещанный Живчиком «часик» ожидания истекал, и я, убрав волосы под ленту, толстым слоем нанесла на лицо маску, которая мгновенно задубела, превратив меня в подобие невесты Шрека из мультфильма. Решив запечатлеться на камеру в столь примечательном образе, я потянулась за телефоном, и в этот момент вдруг погас свет. Я на ощупь добрела до входной двери – полоски света из коридора тоже не было. Обычная вечерняя проблема для подобных загородных отелей: видимо, отдыхая, разбредаясь по номерам после танцев, решили одновременно включить чайники, и от такой нагрузки на электросеть выбило пробки. По опыту помню, что нечто подобное обычно довершается неприятностями с насосом и отсутствием воды...

Осознав, что мне грозит остаться зеленым чудовищем минимум на несколько часов, я заметалась в потемках в поисках графина. Но запастись водой мне было не суждено. В коридоре слышались шаги, кто-то настойчиво постучал в дверь моего номера, а, когда я не отозвалась, немного подождал и что-то вставил в замок. Вот это наглость! Я застыла в прихожей, выбирая подходящий для сдерживания наступа-

тельных действий противника момент.

Когда скрежет в замке стал до неприличия громким, я включила фонарик, резко повернула ключ и распахнула дверь. Раз – и, судя по оглушительному воплю ужаса, враг улицезрел в пятне света лицо принцессы Фионы. Два – и неприятеля ослепил яркий луч, направленный прямо в глаза. Три – свободной рукой я подхватила освежитель и до отказа нажала на кнопку, нацелив струю прямо в нос опостылевшего конкурента. Отбросив баллончик, я снова вскинула фонарь. Четыре – когда соперник развернулся, обращаясь в бегство, я подалась вперед и в стремительном маневре, достойном Брюса Ли, от души съездила ему шипами кроссовки по мягкому месту. В это мгновение, как по команде, дружно открылись несколько дверей по соседству, и в коридоре вспыхнул яркий свет. Я успела увидеть, как мелькнула и тут же скрылась у двери этажа черная фигура позорно уносившегося прочь супостата.

– Что тут происходит, это вы кричите на ночь глядя? – недоуменно спросила соседка, в которой я узнала одну из участниц неумного «актива». Пристальнее взглянув на меня, она поспешила в страхе отпрыгнуть к своей двери. – Какой ужас...

Еще бы, конечно, ужас! Я вполне разделяла чувства дамы. Заявился все-таки, смрадный гад, но я его выпроводила во-свояси! Надеюсь, это послужит ему хорошим уроком.

– Опять свет вырубался, да сколько можно... – посетова-

ла подошедшая с другого конца этажа молодая женщина. И, едва посмотрев на меня, испуганно отшатнулась. – Что это с вами?

Коридор медленно наполнялся отдыхающими, возмущенными проблемами со светом и оглушительными криками. Соседей почему-то безмерно интриговала моя скромная персона: кто-то старательно держался в сторонке, кто-то, наоборот, подходил ближе, но все взирали на меня с праведным ужасом. Да что с ними такое, с ума дружно спрыгнули?

Где-то напротив открылась еще одна дверь, и совсем рядом послышался звучащий сейчас особенно развязно голос: – Что происходит?

Я застыла на месте, не веря своим глазам. Нетвердой походкой, небрежно удерживая в пальцах початую бутылку коньяка и блюдце с нарезанным лимончиком, ко мне направлялся одетый в бежевый махровый халат Живчик! Как, ради всего святого, ему удалось материализоваться из этого самого номера, если только что он постыдно бежал в сторону лестницы? Даже этот проныра не смог бы проскользнуть назад незамеченным таким количеством свидетелей! Умудрился как-то влезть снаружи, через балкон? Нет, что за чепуха, это исключено – четвертый этаж, да и цепляться тут не за что!

– Ритуська, а я к тебе, как договаривались. – Пошатываясь, Живчик по синусоиде обошел соседей. Подойдя ко мне, он споткнулся на ровном месте, потом прищурился и захо-

хотал, вытянув руку в сторону моего лица. – Ой, что это? Ну, подруга, уморила... Ты слишком ответственно подготовилась к моему визиту!

Только сейчас я спохватилась, что к лицу уже намертво, похоже, прилипла зеленая корка. Которая, боюсь, стала казаться еще ярче, когда мои глаза налились кровью от ярости.

– Пошел вон, скотина, а то я за себя не ручаюсь! И вы все расходитесь, что уставились? Не видите – готовлюсь к завтрашнему маскараду! Про огров никогда не слышали? – взревела я и с треском захлопнула дверь.

Остаток вечера, сгорбившись в ванной под грозившей вот-вот исчезнуть тонкой струйкой воды, я отскребала с кожи маску. И чуть не плакала от досады. Что говорить, позориться с таким размахом мне еще не доводилось... Окружающие не только сочли меня источником душераздирающего вопля, но и в полной красе лицезрели мою перекошенную от гнева зеленую физиономию. Не говоря уже о том, что «светивший» из-под халата мужскими причиндалами Живчик окончательно и бесповоротно добил остатки моей репутации.

Впрочем, по-настоящему меня волновало совсем не это. Если жертвой моей оборонительной «четырёхходовки» стал не опостылевший коллега, кто тогда пытался забраться ко мне в номер? И, главное, зачем?

– Слава богу, дозвонилась! – громким голосом подруги обрушился на меня с утра пораньше возродившийся к жизни телефон. – Ритка, куда ты пропала? Мы с твоими родителями уже с ума сходим! Я забросала тебя сообщениями, но ни одно, похоже, не дошло.

– Проблемы со связью, Интернета и вовсе нет. А мне столько нужно тебе рассказать... Прежде всего Живчик тоже здесь, – выйдя на балкон, чтобы оценить погоду, лаконично сообщила я и в зародыше подавила охи-ахи изумленной подруги. – Плевать на него, важно другое. Мне кажется, я начинаю сходиться с ума.

А этому подруга почему-то нисколько не удивилась.

– Вполне объяснимо, без Интернета любой современный человек сойдет с ума. Не волнуйся из-за связи, я предупрежу твою маму. У нас все хорошо, езжу к сестре Боба, она предложила подготовить меня к экзамену по английскому. Отдыхай спокойно. А Живчика игнорируй...

– Анечка, ты не поняла, – перебила я и затараторила, опасаясь, что связь вот-вот прервется: – Со мной и правда что-то творится. Вижу Живчика – и прямо колотит, убила бы! Мне ведь такое не свойственно. А еще, кажется, за мной кто-то следит. В мой номер пытались забраться. И... совсем уже мистика, но я заблудилась в глуши, потом вспомнила Алика

– и вышла из леса! Словно меня кто-то вывел, понимаешь? Все, как ты говорила: агрессия, бредовые идеи, мания преследования, галлюцинации...

Аня озадаченно помолчала.

– Параноидная шизофрения? Конечно, может начаться и в нашем возрасте, довольно поздно, но – нет, сильно сомневаюсь... – наконец задумчиво протянула она. – Рита, сама посуди, ваш Живчик доведет кого угодно. Ты реагируешь совершенно нормально. А по поводу остального... Ты ведь в курсе, что Хемингуэя довольно жестко лечили от мании преследования? А потом выяснилось, что за ним и правда следили!

– Хемингуэй – ну ты сравнила! Да напоминай я его хоть немножко, издательство давно оторвало бы мою книгу с руками, – горько усмехнулась я.

– С тобой все в норме, не выдумывай, – твердо стояла на своем рациональная подруга. – И насчет Алика... Прости, что лезу в такие тонкие материи, но отношения с ушедшим человеком превратились для тебя во внутренний объект. Ты воспринимаешь Алика в настоящем времени, мысленно с ним советуешься. Никакой мистики – только работа бессознательного и защитный механизм психики. Как специалист заявляю: ты в полном порядке. Только вот, боюсь, опять во что-то вляпалась. Давай, рассказывай...

Бац! И связь «умерла» на самом интересном – для Аньки – месте. Хорошо подруга успела убедить меня в моей же вме-

няемости. Вдохновленная, я попыталась трезво оценить ситуацию. После вчерашнего представления отдыхающие наверняка начнут от меня шарaxаться, и это только к лучшему, ведь я обрету долгожданный покой. С другой стороны, моей скромной персоной явно заинтересовался кто-то помимо проживающих в отеле. Например, таинственные люди в черном. Значит, телефон с фотографиями нужно держать при себе. И надеть ту цепочку с кулончиком – не хватало еще, чтобы у меня из номера украли чужую вещь! А еще отказаться от новых прогулок в глуши – хотя бы на сегодня.

После завтрака, убедившись, что зеленых следов на лице не осталось, я убрала волосы в пучок, накинула на голову платок и критически осмотрела себя в зеркале. Тонкая, но закрытая темная блузка, длинная юбка – вполне приличный посещению кладбища облик. Пора, наконец, покончить с уводящими меня от цели сказками и сосредоточиться на работе!

Минут пятнадцать прогулочным шагом в противоположную от магазина сторону – и я вышла к аккуратной белой церквушке. Она стояла на небольшом возвышении, сияя позолотой трех куполов, а внизу бежала речка, за которой виднелись поле и встававший стеной лес, место моих вчерашних приключений. От пейзажа веяло безмятежностью, и даже окружавший церковь погост не производил удручающего впечатления.

Подойдя к воротам, я прочитала табличку с обычной для

сельского храма историей: в шестнадцатом веке здесь построили деревянную церковь, в девятнадцатом на средства прихожан было возведено уже каменное строение в русско-византийском стиле, которое в советские годы отдали под машинно-тракторную станцию. В 1994 году появился священник, отец Вениамин, в церкви возобновились службы, началась реставрация. В настоящее время неподалеку строится здание воскресной школы, а по субботам в самой церкви проходят занятия хора.

Войдя на территорию, я двинулась по дорожке вдоль старых захоронений, вспоминая указания Нины Николаевны. Она была здесь лишь раз, на скромной церемонии погребения останков брата, но смогла дать верные ориентиры: направо, мимо приметной древней могилы сельского старосты, почти у самой ограды. Вскоре я уже стояла у скромного, но ухоженного участка. Ни памятников, ни помпезных искусственных венков, только тонкая ограда, несколько кустиков рассады с мелкими лиловыми цветочками и старая пластмассовая табличка со скромной надписью: «Аникеев Б. Н. 1946–1987».

Справа от холмика высились два простых железных креста, у подножия которых я разглядела еще две таблички: «Аникеева Е. А. 1957–2005» и «Аникеева Л. С. 1988–2014». Ни фотографий, ни других указаний на личности этих женщин, только те же мелкие цветочки. Я озадаченно застыла на месте. Первая – наверняка та самая вдова Боба. Выходит,

она тоже умерла... А кто тогда вторая? Надо же, совсем еще молоденькая была... Почему же ее жизнь оборвалась так рано?

Я совсем растерялась. Собственно, а зачем я так упорно ломаю над этим голову? Совершенно очевидно, что меня снова увело от разгадки тайны – если, конечно, эта тайна вообще существовала. Взгляд снова остановился на могиле популярного когда-то певца. Вот нашла я Боба, и что дальше? Я так стремилась сюда, в места, где ему было хорошо при жизни, где он обрел покой после смерти... Теперь, стоя у места его последнего приюта, я почему-то остро чувствовала, что этого красавца, талантливого, не боявшегося творческих экспериментов, умевшего раздуть шум вокруг своей персоны, уже нет на этом свете. Интуиция редко меня подводила, и я, как ни пыталась убедить себя в обратном, в глубине души понимала: Боб ушел навсегда.

– Добрый день. Приятно видеть у церкви новых людей, – вдруг раздался за моей спиной низкий сочный голос. – Гуляете? Для поклонницы вы слишком молоды.

Я обернулась, и меня ослепили яркие солнечные лучи, мешая разглядеть дородную темную фигуру. Уловив мое замешательство, незнакомец отодвинулся в сторону, чтобы свет заливал его сбоку, и я охнула: окладистая борода на пол-лица, косматые брови над прищуренными глазами, длинная седая, почти белая шевелюра – вылитый Дед Мороз! Хотя о чем это я? Не далее как полчаса назад я обещала себе по-

кончить со сказками. Наверняка это местный священник – и, как водится, знает всех и каждого в своем приходе. Разумеется, его заинтересовал незнакомый человек, застывший у могил как изваяние.

– Здравствуйте, отец... – я напрягла память, вспоминая имя на табличке при входе, – ...Вениамин, верно? Вы правы, я не успела застать времена его славы. Но мои родители – да, только они никак не могут сойтись во мнении, какой же период его творчества был наиболее удачным.

– Наверное, последний. Кажется, в нем больше искренности. Хотя мне трудно судить об этом, – с улыбкой заметил он и поинтересовался: – Вы отдыхаете в отеле?

– Да. – Лгать священнику было совестно, и я добавила: – Пытаюсь отдыхать и работать. И то, и другое получается пока плохо.

– Не вдохновляют даже наши чудесные места? – мягко усмехнулся он.

Этот большой косматый человек мгновенно расположил меня к себе, и неудивительно: за долгие годы общения с прихожанами он наверняка стал чутким психологом. Логично пришел на ум совет другого специалиста в области психологии, уже моего личного: говорить только правду.

– Места здесь действительно чудесные. И дело не во вдохновении, просто мой род деятельности мне не подходит. Или наоборот, это я ему не подхожу. Журнал, в котором я работаю, поручил мне сделать материал об этом певце. – Я кив-

нула на табличку с фамилией. – Но выяснила я до обидного мало. И чем больше узнаю, тем больше запутываюсь. Вот, например, кто эта девушка, что умерла совсем молодой?

– Родственница, – уклончиво ответил священник, явно не поощрявший сплетни, и пристально взглянул на меня. – А чем вызван такой интерес к его персоне? Был здесь недавно один человек, тоже о нем расспрашивал...

Что ж, нетрудно было предположить нечто подобное, так почему при упоминании о Живчике я мгновенно пала духом? Глупый азарт, желание доказать всем – в том числе самой себе – свой хваленый профессионализм, тщетные попытки разгадать чужую тайну держали меня в постоянном напряжении. Здесь, в царстве тишины и покоя, это ощущалось особенно остро. А вдруг вся эта погоня за сенсацией и правда не мое? Я не в первый раз подумала о том, что мне пора остановиться. Но, с другой стороны, этот совершенно чужой человек, герой ненаписанного пока материала, успел так плотно войти в мою жизнь, что стал чуть ли не заочным другом. Меня заинтересовала сама личность «советского Элвиса» – и я уже не могла бросить расследование его гибели на полпути.

– Расспрашивал вас мой коллега, редкая своло... ох, простите, – спохватилась я, но тут же расслабилась, заметив понимание в смешливых глазах священника, горевших искорками в солнечных лучах. – Вы ведь давно в этих краях, наверняка и до вас доходили слухи о том, что Борис Аникеев

жив. Наш шеф вспомнил эту историю и, с какой-то стати почуввав в ней будущую сенсацию, устроил нам соревнование. Победитель получит должность главного редактора.

– И, судя по всему, сенсации пока не получается? – уточнил отец Вениамин.

– Вы правы... Я все больше убеждаюсь в том, что этот человек погиб много лет назад. Да и, честно говоря, не по душе мне скандальные разоблачения, не мой жанр. – Я махнула рукой. – Но, признаюсь, он меня заинтриговал. И творчеством, и всей своей жизнью... И не только он. Судя по захоронению, его вдова не меняла фамилию, возможно, так и не вышла замуж после трагедии, пожертвовала личным счастьем ради памяти мужа... А ведь была совсем еще молодой. Редкая верность в наше время.

Судя по тому, как просияли глаза священника, он прекрасно помнил вдову Боба.

– Почему «пожертвовала»? Она так не считала. Да, умерла несправедливо рано, тяжело болела, все переживала о том, что творится вокруг... – туманно заметил отец Вениамин, и я из деликатности решила не уточнять, что он имеет в виду. Потом все разубаю. – Но до последнего оставалась деятельной, много, кстати, помогала нашей церкви. И у нее была любовь. Согласитесь, это немало.

– Ох, не знаю... – вырвалось у меня. И как это вышло, что разговор перешел на терзавшую меня вот уже почти год тему? Наверное, это было не слишком уместно, но мне вдруг

захотелось доверить переживания едва знакомому собеседнику. – С одной стороны, я понимаю ее. Любовь дает силы жить дальше. Но с другой – это ведь невероятно тяжело. Осознавать, что это чувство существует лишь у тебя в душе, а любимого человека рядом нет и никогда уже не будет...

Я осеклась и подняла глаза к небу, пытаюсь сдержать слезы. Мне часто снился Алик, и всякий раз я просыпалась с улыбкой, счастливая и спокойная от мысли, что он рядом. Но потом реальность медленно, с убийственной прямоотой надвигалась на меня, заставляя задыхаться в рыданиях. Он больше никогда не вернется, а я должна как-то жить дальше... Не расстраивая при этом своими откровениями ни в чем не повинных людей.

– Вы мыслите слишком рационально... Как вас зовут?

– Маргарита.

– Так вот, Риточка, там, где любовь и вера, нет понятия «никогда». Если честно, я сам пришел к этому не сразу, зато, когда обрел истинного себя, все вдруг стало просто и понятно. Возможно, смогу помочь и вам. Приходите, когда захочется поговорить.

Похоже, он и правда разбирался в тонких душевных материях, раз понял, что сейчас я не готова делиться своей историей.

– Теперь вы знаете, что в наших краях есть что-то и помимо языческих праздников!

– Вы про сегодняшнее мероприятие? – ухватилась я за

полную досады реплику, радуясь возможности сойти со щекотливой темы. – Вся округа только о нем и твердит! Меня уже пару раз уговаривали пойти.

– И вы, конечно, согласились... Редкая девушка откажется от возможности пустить веночек по воде и узнать, ждет ли ее скорое замужество. Если бы все в жизни было так просто! А по мне, так суеверия до добра не доведут. Одно дело традиции, и совсем другое – гадания, обряды, странные знаки... Вот что это у вас, зачем? – Священник строго постучал пальцем себе пониже горла, и я опустила взгляд на собственную шею, на которой красовалась подвеска в форме клевера. И как он ее разглядел? Видимо, уже привык рьяно бороться со всей этой мистической чепухой, которой с такой готовностью дурили себе головы местные жители.

– Клевер, – робко ответила я и уже еле слышно пояснила: – Мне дали это на удачу.

– Ох, деточка, и зачем наделять вещи скрытым смыслом? Это ведь обычное украшение, а уверенность в удаче вам придают лишь собственные мысли. Что-то вроде эффекта плацебо.

Ого, а он и правда не чужд психологии! И мыслил современно, хотя выглядел традиционным сельским дедушкой-священником.

– Достаточно просто верить. И лишние символы для этого не нужны.

– Наверное, вы правы, – растерянно кивнула я, решив об-

думать эту идею на досуге. – Просто иногда нет сил даже на то, чтобы верить...

– Это так кажется, деточка, – укоризненно покачал головой священник. – Всегда можно найти в себе силы и употребить их на что-то полезное. Есть же у вас силы, например, на выполнение редакционного задания? И вы наверняка не оставите попыток найти того человека. Но это ли на самом деле ваша миссия?

Хм... а он прав. И говорил со знанием дела, словно сам испытывал когда-то нечто подобное. Его слова странным образом перекликались с тем, что чувствовала я. Может, и правда стоит отказаться от этой работы, вызывавшей в душе столько сомнений? Что-то я совсем запуталась, и сейчас мне требовалось все хорошенько обдумать в одиночестве.

Спохватившись, что близится время обеда, я вежливо попрощалась, пообещав заглянуть сюда снова в самое ближайшее время. И уже направилась к воротам, когда меня окликнул зычный голос.

– Риточка!

Я оглянулась, встретив смягчившийся взор пожилого священника.

– Обращайтесь, если понадобится помощь. И запомните: прежде чем искать кого-то, нужно найти себя. Тогда все встанет на свои места.

Я кивнула и двинулась в сторону отеля – медленно, задумчиво, то и дело останавливаясь и прокручивая в голове

этот странный разговор. На обед я безнадежно опоздала.

Глава 6

Услышав донесшуюся издали тягучую акапельную песнь, я придирчиво оглядела себя в зеркале. Хорошо, что взяла с собой это длинное, в пол, платье в народном стиле, отделанное кружевами, которое было схвачено года два назад в распродажной горячке, да так ни разу до сих пор и не надето. Теперь я выглядела вполне в духе грядущего праздника: струящийся полупрозрачный белый наряд, сандалии ему в тон, серебряный слейв-браслет, подвеска в форме клевера, распущенные каштановые волосы... От идеи убрать длинные пряди в косу пришлось отказаться – никогда не отличалась умением делать замысловатые прически, и строгий пучок для офиса был максимумом моих возможностей.

Два дня, которые я провела в отеле, все вокруг только и жужжали, что о дани традициям и ежегодном мероприятии. На доске с рекламой развлечений красовался впечатляющий плакат с изображением костров, девушек в образе русалок и огромного темно-красного цветка. На праздник приглашали к девяти вечера, когда начинало смеркаться, и, как явствовало из объявления, отдыхающих и местных ждало выступление народного коллектива из ближайшего поселка.

Всеобщий ажиотаж совершенно меня не затрагивал – гораздо больше занимали мысли об интервью, которому вряд ли суждено было состояться. А после разговора со священ-

ником я и вовсе решила отказаться от участия во всех этих обрядах. Вечер я наверняка скоротала бы в номере за взятым в библиотеке детективом, если бы при выходе из столовой после ужина не наткнулась на энергичную ярко покрашенную женщину лет пятидесяти, которая беспорядочно металась по холлу в компании бойкой барменши и чуть не рвала на себе волосы.

Едва взглянув на меня, она кинулась наперерез.

– Вот красивая девушка, которая нас спасет! Сразу видно, адекватный человек! Другой кандидатуры нет. Не губите! Два сеанса у косметолога, спа-программа, бесплатный бассейн, «сольник» в караоке на весь вечер – что угодно, только выручите нас! – заголосила женщина, умоляюще сложив руки. И в ответ на мой ошарашенный взор пояснила: – Я – директор отеля. Вы ведь наверняка собираетесь на праздник? У нас ЧП! Вурдалак куда-то пропал, боюсь, в штопор вошел, у магазина днем крутился. Послала за ним леших, и они как сквозь землю провалились! А ведьме костюм пока не привезли... Мы не можем завалить этот праздник, и так в Интернете отзывы об анимации плохие! А эта неугомонная троица излишне активных отдыхающих меня с потрохами съест! Вы случайно не актриса?

– Нет, – покачала головой я, предчувствуя неладное. – Журналистка.

– Тоже подойдет, значит, язык хорошо подвешен. Итак, объясняю задачу. – Она перешла на деловитый тон началь-

ницы, даже не заручившись моим согласием. – Будете лесной нимфой. Никакого особого грима не требуется, наденете какое-нибудь красивое платье, выйдете на крыльцо после первой песни, скажете пару слов, мол, «приветствуем на празднике» и бла-бла-бла... Потом вместе с народным ансамблем проводите людей к речке. А там мы уже ведьму подгоним.

Я не то чтобы не смогла отказаться – не успела. Директриса обрушилась на меня со всем напором, и из ее сбивчивых объяснений я поняла, что нанятые аниматоры не учли масштаб праздника, героев потребовалось больше и «нечистую силу» пришлось отлавливать в своем же коллективе. А потом некоторые актеры... м-м-м... слишком увлеклись ролями.

Ничего не оставалось, как нарядиться, накраситься и спуститься в холл. На крыльце уже выводил что-то аутентичное народный хор, рядом кружилась парочка русалок из числа аниматорш, а внизу, вместе со зрителями, стояли два дюжих молодца, в которых я узнала массажиста и фитнес-инструктора, в расшитых рубахах и с огромными факелами в руках.

Готовясь импровизировать, я обвела глазами публику: помимо отдыхающих – «актива» в красочных хитонах, семейных пар и заинтригованных, еще не спящих в довольно поздний для них час детишек – тут оказалось немало незнакомых лиц. Кто-то снимал действие на камеру мобильного. Сразу бросились в глаза несколько рослых мужчин, кое-кто из которых запросто мог составлять экипаж черной машины,

ранее замеченной мной в лесу. От этой мысли стало не по себе, и я невольно взглянула на висевшую у меня на запястье крошечную сумочку, в которой лежал мобильный с предусмотрительно выключенным звуком. Вскоре песня смолкла, и стоявшая в толпе директриса кивнула мне, давая сигнал приступать.

Я вышла вперед, про себя благодаря судьбу за вчерашнее «представление» в образе зеленого монстра, подарившее мне бесценный опыт публичного позорища самой отменной марки. Похоже, я начинаю привыкать к роли всеобщего посмешища, хотя... В первом ряду стояла девочка лет пяти с растрепанной косичкой, взиравшая на меня чуть ли не с восторгом. Искреннее расположение ребенка сразу придало вдохновения.

– Друзья, рада приветствовать вас на нашем традиционном празднике! Сегодня вам предстоит окунуться в таинственную, мистическую атмосферу древних обрядов и традиций, – объявила я и, призвав на помощь весь свой кругозор, выдала то немногое, что помнила о подобных развлечениях: – В эту сказочную ночь в лесу расцветет папоротник, и, по поверью, нашедший этот чудесный цветок получит разгадку самой сокровенной тайны, несказанно разбогатеет и...

– А если я уже нашел разгадку тайны и скоро разбогатею без всяких цветков? – вдруг громко перебил меня развязный голос. Толпа немного расступилась, и в самом центре я увидела своего «любимого» коллегу. Что-то он второй день не

просыхает, неужели все празднует успех? – Я справился с заданием, нашел живого покойника – и, кстати, выяснил еще кое-что интересное! Свои секреты я доверяю только фигуристым барышням, так что у нашей чудесной ведущей есть шанс. Могу ли я рассчитывать на ее благосклонность? Или красавица снова обратится в зеленое чудовище?

По толпе пронеслись смешки – видимо, зрители вспомнили события вчерашнего вечера. Взглянув на ухмылявшегося Живчика, я с трудом подавила приступ ярости. И... что это он там плетет о покойнике?

– Будьте осторожны, друзья, сегодня ночью оживает всякая пьяная нечисть, в чем вы только что могли убедиться, – не устаивая наглеца ответом, продолжила я свою речь. Зрители снова захихикали, а директриса одобрительно вскинула вверх большой палец. Правильно, будет нам еще всякое хамье ответственное мероприятие срывать! – Остерегайтесь упырей, сосущих кровь у ни в чем не повинных людей. Такие даже невинную лесную нимфу превратят в чудовище, способное наслать страшное наказание, при одной мысли о котором кровь стынет в жилах! Но не буду вас пугать. Солнце село – нам пора к реке!

Стараясь двигаться изящнее, я резвой козочкой слетела вниз по ступеням. Сумерки сгущались, только на западе еще немного алела полоска неба. Учитывая обилие детей, с шествием к реке медлить не стоило, чтобы не оказаться там уже в крошечной темноте. Позвякивая цепочками на браслете, я

помахала рукой в сторону молодых людей с факелами. Зрители мигом выстроились за ними, народный хор затянул очередную песню, русалки закружились в такт, и процессия двинулась к реке.

За прошедшие дни я не успела основательно изучить окрестности и теперь узнала, что от парк-отеля к речке можно было спуститься за считанные минуты. Если, разумеется, знать дорогу. Предусмотрительно держась в отдалении от Живчика, я шла в начале колонны и дивилась на созданный командой аниматоров загадочный антураж. Тут и там пылали факелы, и в их свете явственно различались трепетавшие на деревьях ленты. Видимо, властная директриса дала хороший втык подчиненным, пробудив в них актерские способности, раз на пути то и дело вырастали сказочные персонажи: русалочки вовлекали взрослых в танцы, а зайчики в масках одаривали деток конфетками. Когда впереди показался внушительных размеров костер, к зрителям из кустов выпрыгнули двое дядек в лохмотьях с перепачканными краской лицами – видимо, те самые лешие.

Публика в восторге завизжала и стала выстраиваться на берегу полукругом. Я уже было решила, что выполнила свою миссию, но директриса снова молитвенно сложила ладони и, кивнув на стоявший у костра холщовый мешок, прошептала на ухо новое задание.

– Друзья, – выходя вперед, снова вступила я, – теперь вас ждет самое интересное: веселые игры и хороводы с наши-

ми сказочными героями. А у девушек есть уникальный шанс узнать, как сложатся их романтические отношения в предстоящем году. Для этого венки, которые вы сейчас получите, нужно пустить вниз по реке. Прибьет венок к берегу – смело пускайтесь в активный поиск новых спутников жизни, ну а тем, чьи венки уплывут вдаль, ждать в этом году любви и сватов! Подходите смело, не стесняйтесь!

Мысленно прося прощения у всех светлых сил за невольное пособничество мистике, я позволила русалкам завязать себе глаза и стала наугад доставать из мешка венки. Судя по оживленным возгласам, ко мне подбежали все, от мала до велика. Мне даже показалось, что я слышу кудахтанье вездесущего «актива». Да-а-а, думала ли я еще пару дней назад, что буду принимать участие в столь странном действе, да еще и играть в нем одну из главных ролей! Вот уж воистину, «адекватного» человека во мне было видно за версту...

Наконец, пытка сверхзадачей закончилась, я сняла повязку – и вздрогнула от неожиданности, когда к костру, оттягивая на себя внимание собравшихся, пулей выскочила обещанная ведьма с метлой. Узнав в ней обряженную в лохмотья барменшу, я с облегчением выдохнула и предусмотрительно отошла в сторону от начавших выстраиваться в хоровод зрителей. Желания веселиться не было, а венка мне не досталось – что ж, очень символично, ведь я давно перестала мечтать о любви...

Я медленно шла вдоль берега, наслаждаясь долгожданной после жаркого дня вечерней прохладой, и сама не заметила, как костер с хороводом остался где-то далеко позади. До меня еще доносилась очередная протяжная песня, но водная гладь была уже темной, без отражавшихся в ней языков пламени и плавающих на поверхности венков. Молодая луна медленно садилась во встававшие за рекой заросли Графского леса, впереди зияла тьма, но мне не было страшно. Я оказалась совсем одна, и меня это полностью устраивало.

На задворках сознания маячила неприятная мысль о том, что Живчик, судя по всему, не только справился с заданием, но и перевыполнил его. Вон как упивался собой сегодня, нарочно заявил о победе прилюдно, чтобы уязвить меня побольнее! Ну и пусть, может, это только к лучшему, будет повод наконец-то уволиться и начать все с нуля. Ладно, с работой как-нибудь разберусь, а вот что мне делать с личной болью, ума не приложу...

Невероятно, но этот доморощенный праздник с «русалками» в простынях и «лешими» в гуаши, к которому я относилась, мягко говоря, с иронией, расстроил меня самым серьезным образом. Даже с завязанными глазами я улавливала радостное предвкушение любви, с которым суетились у мешка одинокие дамы от пяти до семидесяти. Сейчас они,

скрывая смущение за смешками, пускали венки по воде, и душу каждой грела надежда. У меня не было и этой малости...

Алика убили случайно, и судьба жестоко покарала виновника его смерти. Спустя почти год я нет-нет да видела в кошмарных снах эту яркую картину: мертвенно-бледное лицо любимого, удивленно распахнутые фиалковые глаза и алую струйку крови, стекающую с виска. Дальше я неизменно теряла сознание, проваливаясь в пугающую темноту. А пробуждалась с ощущением, что мою жизнь будто поставили на паузу, причем на самом страшном мгновении.

Теперь я уныло брела куда глаза глядят, роняя слезы и не обращая внимания на то, что волосы растрепались на ветру, а подол платья давно промок и запачкался. Мне не было дела до того, как я выгляжу. Сегодня, с удовлетворением осматривая себя в зеркале перед тем как спуститься вниз, я в который раз ощутила приступ ноющей тоски. Будь рядом Алик, его глаза привычно зажглись бы восхищением, он кинулся бы ко мне, помяв мой аккуратный, продуманный до мелочей наряд, и мы обязательно опоздали бы к началу праздника...

– ...мы ведь их не трогаем, так с чего он взъелся? – вдруг вывел меня из раздумий чей-то громкий голос. – Мирно жили бок о бок столько лет, так нет, вздумалось сейчас воду мутить!

– Ну, это ты загнул, мирно мы никогда не жили, – ответил другой голос, явно принадлежавший человеку постарше. –

Он давно рыпался нас сдать, мы и припугнули, предупредили, чтобы не совался, иначе эти невинные овечки пострадают. Он и заткнулся...

Интересно, о чем это они? И кто вообще эти «они», вдруг выросшие на моем пути? От волнения у меня перехватило дыхание. Леший бы побрал это светлое платье, делавшее меня такой заметной даже в темноте! Еще этот браслет окающий звякает, надо бы осторожнее... Стараясь двигаться незаметно, я сделала пару шагов влево, спрятавшись за раскидистым кустом, и выглянула из-за листьев.

Прямо передо мной, в некотором отдалении, стояли три человека. Я не без труда разглядела их в слабом лунном свете: по виду самые обычные мужики из ближайшего поселка или из числа отдыхающих. Не знаю, чего я так испугалась, видимо, содержание их разговора в сочетании с ожесточенным тоном показалось мне странным. Так-так, послушаем дальше...

– Щенок этот все портит, откуда только взялся, непонятно... – с досадой махнул рукой третий.

– Да такой же мертвяк, как остальные, только больно борзый, – смачно сплюнул себе под ноги тот, что по голосу казался моложе. – Сначала, как приехал, все метался, истерил, психушка по нему явно плакала, даже напился как-то до чертиков... Потом взял себя в руки, пообтесался. Сейчас ходит как в воду опущенный, но вынюхивать не перестает.

– Может, и этого припугнуть? – деловито предложил вто-

рой.

– Пробовали, все без толку, – отозвался молодой. – Меня, мол, все равно нет, можете угрожать, не боюсь. Чем такая жизнь, лучше уж в могилу... Я ведь говорю – борзый. Совсем страх потерял...

Превратившись в слух, я пыталась запомнить все, о чем они говорили, чтобы позже, уже в спокойной обстановке, проанализировать эти непонятные речи. Я напряглась, чутко улавливая каждое слово, и вдруг чуть впереди, совсем рядом, послышался шорох. Точно, мне не померещилось, вот еще раз... Вглядевшись во тьму, я похолодела от ужаса. Так и есть: за другим кустом, подобно мне, пряталась какая-то темная фигура. Кажется, мужская, хотя и довольно мелкая. Выходит, подслушивали мы оба, только этот человек явно сидел здесь дольше меня. И наверняка был в курсе того, о чем говорят эти трое.

Спокойно, Рита, только без паники, не то наломаешь дров... Сейчас мне требовалось тихо, стараясь не шелестеть, отступить назад – и что есть мочи нестись обратно, туда, где уже догорал внушительных размеров языческий костер. Лучше уж попасть прямо в лапы к нечистой силе местного разлива, чем быть обнаруженной четырьмя опасными мужиками, один из которых явно принадлежал к конкурирующей с теми тремя организации.

Легонько, почти не касаясь влажной от росы травы, я сделала несколько шагов назад. Потом повернулась и так же

медленно, едва ступая, вышла к кромке воды. Оказавшись на чистом песке, я прибавила шаг. Мужские голоса смолкли, но от еще резвившихся у речки отдыхающих меня все же отделяло довольно внушительное расстояние. И тут – о ужас! – я заметила несущуюся ко мне по берегу крошечную фигуру.

– Эй! – довольно громко окликнул меня какой-то ребенок и, подлетев ближе, тут же осекся при виде моей полной ужаса гримасы, вполне различимой в сиянии луны. Я испуганно вскинула палец к губам – и в ту же секунду узнала маленькую девочку из первого ряда, что невольно подбодрила меня сегодня.

– Ты почему здесь, да еще одна? – Я попыталась придать голосу строгости, но он предательски сорвался на невнятный писк.

– Я принесла тебе... вам... Вот. – Девочка протянула мне какой-то веночек. – Нужно бросить это в речку.

Ох, как некстати попался мне по дороге этот добрый бесхитростный ребенок! А вдруг нас сейчас заметят те бандиты в кустах? Ого, я, оказывается, уже не сомневалась, что это именно бандиты! Срочно хватать девочку, пока она не успела испугаться, и нестись к своим. Пусть меня снова сочтут посмешищем, растрепанным пугалом – как-нибудь переживу!

– Милая... как тебя зовут? – спросила я, присаживаясь на корточки и стараясь придать голосу беспечности.

– Мария, – с достоинством ответствовала малышка и под-

пихнула мне в руки веноч. – Возьми... возьмите. И сразу в речку.

– Машенька, – сдаваясь, я взяла в руку веноч, – мы обязательно бросим это в речку, только давай сначала вернемся к костру. Тебя наверняка ищут, волнуются...

Но девочка не желала уходить.

– Нет, сначала веноч. – Она с любопытством посмотрела на меня, склонив голову набок. – А как тебя... вас... зовут? Вы русалочка?

Ох уж этот слишком вежливый, но упрямый ребенок! Еще немного, и я сойду с ума от волнения...

– Меня зовут Рита. Говори мне «ты», если удобно. И нет, я не русалочка. Я – лесная нимфа.

– А кто такая нимфа? – не отставала пытливая крошка.

– Девушка, которая живет в лесу, помогает деревьям и зверькам... – понесла чепуху я и уже взмолилась: – Машенька, скажи, куда бросить веноч, и пойдем уже к остальным!

– Ладно, – смилостивилась девочка, и мы вместе, подойдя к воде, пустили веноч по реке. – А теперь смотри.

На мое счастье, спутанные травинки и цветы быстро подхватило течением, и вскоре они с легкостью унеслись вдаль. Маша следила взглядом за венком, пока тот не скрылся в темноте. Потом подняла на меня полные восторга глаза.

– У тебя все будет хорошо, – с трогательной радостью сообщила она. – Скоро ты найдешь жениха.

Уф-ф, да сколько можно... Сейчас я вышла бы замуж за

первого встречного, только бы отвести опасность от наивной девчушки! Тем более что праздник явно закончился, судя по уже затухавшему вдали пламени и смолкавшим голосам.

– Пойдем. – Я решительно взяла ее за руку и потянула за собой, снова напустив на себя строгость. – Тебе наверняка пора спать. И, кстати, что ты делаешь здесь одна так поздно?

– Ищу маму...

Потерянный тон Маши заставил меня встрепенуться. Ну и ну, вот это мамыши пошли, ничего не скажешь! Привела на довольно взрослый праздник, сама наверняка увлеклась песнями-плясками, а про девочку забыла! А тут и костер, и речка, и страшные персонажи – сколько опасностей для ребенка... И что теперь, спрашивается, делать? Мобильная связь не работает, отдыхающие с персоналом удалились в сторону отеля, а за спиной маячили явно небезопасные люди... Ничего не оставалось, кроме как подхватить Машу на руки и нестись с ней по берегу в надежде, что факелы вдоль дороги еще не погасили и мне удастся найти дорогу.

Удобно устроившись у меня на руках, девочка вытерла пальчиком размазавшуюся у моего глаза тушь. Великолепно же я сейчас выглядела, ничего не скажешь! Растрепанная, в перепачканном травой светлом платье, с «поехавшей» от слез косметикой, испуганная, оказавшаяся почти в кромешной тьме, забывшая дорогу обратно, да еще и с незнакомым ребенком на руках, таким же, кстати, растрепанным и перепачканным! Да-а-а, Рита, сегодня ты превзошла саму себя!

– И куда это мы направляемся? – вдруг послышался сзади грозный мужской голос, и, обмерев от страха, я медленно повернулась. В слабом отсвете догоравшего костра передо мной стоял самый настоящий громила. Ростом повыше меня, мускулистый, с короткой стрижкой и свирепой физиономией – прямо вылитый Халк, только что не зеленый! Секундочку, у нас ведь были упыри да лешие, а это совсем из другой оперы... К тому же «монстр» был одет в самые обыкновенные футболку и джинсы. Похоже, мой разум основательно помутился от окружающей мистики, раз стал подбрасывать такие сравнения. И все-таки, если это и есть тот самый первый встречный, я, пожалуй, сильно погорячилась в своих обещаниях...

Намереваясь обороняться до последнего, я прижала ребенка к себе и огляделась в поисках какого-нибудь «оружия» в виде палки, которой можно было бы огреть такого детину. Но тут девочка повернула голову и радостно вскрикнула:

– Папа!

Малышка уже рвалась из моих рук навстречу громиле, но я инстинктивно стиснула ее еще крепче. Для начала надо убедиться, правильно ли я поняла...

– Что это вы делаете? – с убийственным спокойствием и полным осознанием собственной силы поинтересовался он. – Немедленно отпустите моего ребенка. Маша, сколько можно тебя искать? Я чуть с ума не сошел...

От неожиданности я ослабила хватку, и девочка, вы-

скользнув из моих рук, метнулась к этому мощному чудовищу. Которое, к моему потрясению, тепло и будто бы с облегчением обвило ребенка крепкими лапищами.

Я потеряла дар речи, а громила, переведя дух, напустился на меня:

– Это же додуматься надо, увести ребенка чуть ли не в чашу! Почти ночью! Вы соображаете, что творите? Вовремя же я подоспел! А, может, вы ненормальная, из тех, что крадут чужих детей? Или маньячка?

– Вы не поняли... нет... все было не так, – растерявшись от негодующего тона и напора, только и могла мямлить я. – Девочка сама подошла ко мне. Она, кажется, потерялась.

– Ага, потерялась, так я и поверил! – продолжал бушевать монстр. – Моя дочь точно знает, что сюда ходить нельзя и ни за что не отошла бы от взрослых ни на шаг... Я столько раз предупреждал!

– Я сама ее нашла, – явно не понимая сути нашей перепалки, встряла Маша и не без гордости обратилась к отцу: – Красивая, правда?

– Очень, – едва скользнув по мне взглядом, с отвращением процедил «вежливый» папаша. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что мой нынешний вид к версалям не располагал. – Маша, ты опять за старое? Кто она такая?

Ага, неотесанный детина, кажется, отказался от подозрений в мой адрес, но вместо того чтобы извиниться, стал презрительно говорить обо мне в третьем лице. Внутри у меня

уже вовсю закипала ярость, столь неуместная в присутствии ребенка.

– Она – лесная ним... как? – сбившись, повернулась ко мне любопытная малышка.

– Нимфа, – обреченно кивнула я, стараясь сохранять видимость спокойствия.

– Кто? – Папаша, кажется, не поверил собственным ушам. Но, уже заинтересованно оглядев мои всклокоченные волосы, почти прозрачное платье и размазанный макияж, логично заключил: – Девица легкого поведения? Так я и думал...

От возмущения у меня перехватило дыхание, и тут Маша, не осознавая, что добивает мое и без того хрупкое терпение, невинно поинтересовалась:

– А что такое «легкого поведения»?

Я помедлила, дабы ненароком не просветить неутомимого ребенка в каких-нибудь очередных неподобающих возрасту темах.

– Машенька, милая, закрой на всякий случай уши, – ласково обратилась я, и когда девчушка, решив, что это игра, с готовностью выполнила просьбу, накинулась на ее отца. – Что вы несете, да еще в присутствии дочери? Здесь проходил праздник, я участвовала в представлении, только и всего! А критику лучше приберегите для своей дражайшей супруги. Оставить ребенка в одиночестве – уму непостижимо!

– Что-о-о? – Теперь уже чудище поперхнулось от негодования и угрожающе раздуло внушительный торс, словно коб-

ра капюшон. – Да как вы смеете?

– Правда глаза колет? – Меня понесло на волне вдохновения оттого, что наконец-то получилось дать достойный отпор хотя бы кому-то. – В голове не укладывается: такая крошка ходит одна, у реки, в темноте, рядом со скопищем невнятных личностей, и ищет маму! А та, видимо, слишком увлеклась развлечениями и гаданиями на суженого... Хотя с таким мужем немудрено искать другого, прекрасно ее понимаю!

Похоже, мне удалось всерьез уязвить грубияна, раз он потерял дар речи и взглянул на меня... неужели укоризненно? Потом решительно взял дочь за руку, собираясь уходить. Хорошенькое дело, сейчас они исчезнут, и как мне найти дорогу обратно? Факелы наверняка погасили, а без них я точно отсюда не выберусь! В душе я уже всю ругала себя за несдержанный язык и готовилась провести ночь в блужданиях по лесу, когда Маша вдруг застыла на месте.

– А она? – капризно бросила девочка отцу. – Я без нее никуда не пойду.

Похоже, эта крошка вила веревки из своего не в меру грозного папаши, раз он тоже остановился и обреченно взглянул на меня:

– Ну, довольны?

– Просто помогите мне выбраться отсюда, я живу в парктеле, – вмиг среагировала я, боясь, что они и правда уйдут. И, уже не скрывая отчаяния, добавила: – Пожалуйста.

Громила еле заметно кивнул, подхватил дочку на руки, и мы двинулись к цивилизации. Факелы действительно убрали, темнота сгущалась. Выйдя чуть вперед, я включила фонарик в телефоне, чтобы освещать путь своим спутникам и себе. Судя по влажной траве под ногами, мы немного отклонились от маршрута – требовалось срочно вернуться на вытопанную дорожку. Решая, допустимо ли обратиться на это внимание и без того кипевшего от злости папаши, я одолела еще несколько метров и вдруг споткнулась обо что-то твердое. Направив луч света перед собой, я обомлела: моему взору предстал крупный, явно мужской ботинок.

– Стойте там, не подходите! – Страх прозвучал в моем голосе столь очевидно, что громила послушно замер в метре от меня с уже начавшей засыпать девочкой на руках. – Держите Машу, она не должна этого видеть...

Моя рука испуганно дернулась, и слабый свет фонарика выхватил лежавшего навзничь человека. Его фигура замерла в неестественной позе, в вывернутой кисти остались зажатые комья земли, на мертвенно-бледном лице застыли приоткрытые глаза. Но главное, по его белой рубашке с левой стороны расползлось неровное красное пятно.

Ноги будто вросли в землю, лишая меня возможности шевелиться. Я едва устояла на месте от сокрушительной волны паники, заставившей все внутри зайтись в мелкой противной дрожи. Язык отказывался повиноваться, а в затуманенном сознании хаотично метались вопросы. Много вопросов.

Почему он оказался здесь? Кому перешел дорогу? За что заплатился? И, главное, кто его убил?..

Я не могла найти ответы и четко осознавала лишь одно: его тайное прозвище, начинавшееся с оптимистического «жив», отныне стало более чем неуместным.

Глава 7

– Пункт первый: «Последовательно скручивать в трубочку все его, с позволения сказать, «статьи» и запихивать в глотку, пока не подавится». Пункт второй: «Выяснить, в каком темном переулке нашего главреда охлобучили пыльным мешком по темечку, и подвергнуть той же каре». Пункт третий: «Заклеить скотчем рот, запретив разговаривать хотя бы сутки, в надежде, что его болтливая натура, не находя достойного выражения, даст дуба». Пункт четвертый: «Незаметно разложить по поверхности стола, на который он все время плюхается, иголки, канцелярские кнопки и листья опунции». Ого, опунции! Да, ничего не скажешь, изобретательная мадам...

– Мадемуазель, – машинально поправила я, в ужасе глядя на ходившего по кабинету мужчину со списком в руке. Неужели он всерьез воспринимает подобную чушь?

– А это мне понравилось особо. Пункт пятьдесят семь: «Созвать всех, обиженных материалами этого «видного журналиста», с их помощью привязать его за руки и ноги к шкафам с «творческим наследием» издательства, которые затем толкнуть в разные стороны, тем самым четвер...» Что? – обратился ко мне второй мужчина, читавший копию точно такого же списка. – Непонятно написано.

– «Четвертовав», – удрученно подсказала я. Интересно,

кто из моих «добрых» коллег успел переслать правоохранителям этот невесть как сохранившийся в редакции перечень «казней» Живчика? Наверняка опять рылись в моем столе! И что наплели сотрудники издательства, если меня битый час держат в каком-то жутком кабинете с решетками на окнах, допрашивая по всей форме?

– А вот пункт сто шестнадцать: «Подождать, пока он перестанет вертеться хотя бы на секунду, снять с ноги туфлю и смачно, наслаждаясь каждым мгновением процесса, прихлопнуть в лепешку», – прочитал первый и со всей серьезностью обратился ко мне: – Почему этот пункт обведен?

– Сочтен наиболее удачным и принят за основной вариант расправы, – мрачно пошутила я. И тут же прикусила язык, заметив, как спрашивавший кивнул третьему сотруднику, который сидел за столом и фиксировал каждое мое слово.

– Сто сорок два пункта, это додуматься же надо! – совершенно искренне восхитился второй, наконец-то отрываясь от чтения списка и удостаивая вниманием меня. – Значит, вы испытывали к коллеге неприязнь?

– Да. – Отпираться было бессмысленно. Наверняка за те полдня, что прошли с момента обнаружения тела Живчика, они успели все выяснить.

Я поежилась, вспоминая события прошлой ночи. Наткнувшись на убитого и убедившись, что сигнала мобильной сети по-прежнему нет, мы с громилой, сжимавшим в объятиях уснувшую на наше счастье девочку, резво понеслись впе-

ред и невесть как попали на нужную дорогу. Потом добрались до будки охраны парк-отеля, где по стационарному телефону вызвали полицию. Мой спутник на время исчез, чтобы вскоре объявиться снова, уже без Маши. А потом подъехали машины экстренных служб, и в мирной до сего момента лесополосе началось светопреставление...

Гул автомобилей и яркие огни встревожили расползшихся было по номерам отдыхающих, и вскоре к руководившим следственными действиями двум важным мужчинам в штатском пробилась запыхавшаяся тетка из «актива». Не знаю, что она им наговорила, только меня сначала сопровождали в отель, попросив взять с собой паспорт, а потом посадили в машину и отправили... кажется, в ближайший город. Там я долго «отдыхала» в комнате с зарешеченными окнами, дрожа от страха и усталости, пока наконец не начался этот допрос. С первых же минут мне дали понять, что сомнений в имевшихся у меня мотивах нет, и теперь я с каждой секундой отчаивалась все больше.

– В издательстве подробно рассказали о конфликте и пощечине, которую вы в свое время дали пострадавшему. А заодно и о том, что вы конкурировали в борьбе за пост главного редактора. Кроме того, ваша соседка по этажу в отеле сообщила, что недавно слышала, как вы разговаривали на балконе по телефону и признавались в намерениях убить коллегу. Вы регулярно ругались с ним. Это подтвердили и другие отдыхающие, – тщательно, стараясь не упустить ни детали,

на правах главного перечислил первый мужчина. – Вы прилюдно обещали его отравить, а ранее угрожали расправиться с ним в аквацентре...

У меня перехватило горло, и я закашлялась. Какой кошмар, неужели они принимают мою наивную вербальную «самооборону» всерьез? И что теперь делать? Кто мне поможет? От страха я окончательно потеряла дар речи и способность здраво соображать.

– Как утверждают свидетели, вас с пострадавшим связывали... м-м-м... личные отношения, – заметил второй.

– Нет! – Это кошмарное предположение неожиданно встряхнуло меня, придав сил. – Нет, нет и нет! Только не это... Не с этим гнусным, лживым, подлым хлыщом! Я ненавидела его – да, а ложиться с ним в постель – увольте! Лучше бы и правда убила...

По торжествующим лицам следователя и его помощника я вмиг поняла, что сболтнула лишнего. А ну-ка, не паникуй, Рита, попробуй мыслить логично, вспомни свою любимую дедукцию...

– Послушайте, да мало ли что мы несем, когда возмущены или обижены, – попыталась втолковать я. – Да, мы ненавидели друг друга, соперничали, но, клянусь, я его не убивала! Давайте разбираться. Я далека от спорта, а он какой-никакой, но все же мужчина. Как, скажите на милость, я могла с ним расправиться?

– Очень просто, – с готовностью ухватился за вызов вто-

рой. – Как показала предварительная экспертиза, в крови пострадавшего было значительное количество алкоголя. С таким пьяным человеком мог справиться кто угодно. У нас есть кусок записи этого вашего концерта... или праздника. Там четко слышно, как вы называете его пьяным. Поняли, что подвернулся подходящий момент, и...

– А орудие убийства? – Несмотря на ужас положения, меня охватил азарт детектива. – На мне почти прозрачное платье без карманов. На руке крошечная сумочка, в которую я с трудом запихнула мобильный. Откуда я взяла... чем там его убили?

– Рядом с местом происшествия был найден нож, небольшой и тонкий, вроде стилета, с тщательно стертými отпечатками пальцев, – удовлетворил мое любопытство следователь. – Вы вполне могли предварительно спрятать его где-нибудь на берегу. Или незаметно держать все это время при себе. Свидетели утверждают, у вас в руке что-то все время звякало.

О, силы небесные! Не «в руке», а «на руке»! Я потрясла запястьем, на котором по-прежнему болтался замысловатый, петлей огибавший средний палец браслет. Но моих собеседников это, похоже, не убедило.

– Библиотекарша рассказала, что накануне вы взяли книгу, – порылся в записях главный. – Так-так, Агата Кристи, «Убийство в «Восточном экспрессе»... Заранее готовились, изучали способ совершения преступления?

– Да с чего бы это? Не смешите! – Впору было зайтись от негодования. – Ну, взяла я эту книгу перечитать, и что дальше? Антенну после грозы так и не починили, Интернета нет, чем еще заниматься? И что мне там изучать, я всю Агату Кристи наизусть знаю...

– Оно и видно, – кивнул помощник следователя. – Книга, согласен, не улика. А вот алиби у вас нет. По данным экспертизы, смерть наступила в промежутке между десятью вечера и одиннадцатью пятнадцатью. Праздник начался в девять вечера, еще примерно с час вы помогли развлекать публику, а потом как сквозь землю провалились. Отдыхающие не помнят, чтобы вы водили с ними хоровод или участвовали в обряде с пусканием венков по воде. Где же вы пропадали все это время?

Я обреченно уронила голову. В указанный час я брела по берегу в полном одиночестве и глотала слезы, думая о своей загубленной любви. Теперь, выходит, пора было переживать о загубленной жизни. Те, кого я подслушивала, меня не видели, так что рассказывать о странном разговоре представлялось бессмысленным. Маша подбежала ко мне позже, а ее разъяренный отец подошел и вовсе ближе к полуночи...

По щекам заструились слезы. Все это время я как-то держалась, не веря, что меня можно всерьез заподозрить в убийстве. Теперь же реальность предстала передо мной в кошмарном свете. Как бы смехотворно ни звучали некоторые домыслы свидетелей, у меня был мотив – и не было алиби. Я

пыталась оправдаться, но невольно лишь убеждала в справедливости подозрений. Если продолжу в том же духе, точно окажусь за решеткой.

– Вижу, вы мне не верите. Все, больше ни слова без адвоката, – смахнув слезы, строго произнесла я, решив бороться до последнего. И снова вспомнила свои потуги в юридической журналистике. – Я задержана? Тогда, если не ошибаюсь, у меня есть право на один телефонный звонок, и мне хотелось бы этим правом воспользоваться.

Мужчины переглянулись, и первый молча положил передо мной телефон – спасибо мой, ведь я не помнила наизусть номеров мобильных. Я схватила телефон, занесла пальцы – и застыла на месте, с ужасом осознавая, что не знаю, к кому обратиться.

* * *

Неизвестно, сколько времени я просидела в ступоре с телефоном в руке. Меня не торопили, даже наоборот, с любопытством опытных психологов взирали на мою реакцию. А я усилием воли пыталась успокоиться и принять верное решение.

Родителей и Аньку я отмела сразу. Первые накрутят себя до сердечных приступов, вторая понесется спасать и устроит хайп до небес, с привлечением общественности и представителей СМИ. Обращаться к коллегам бессмысленно – ста-

раниями Живчика они давно и безнадежно ненавидят меня. Звонок издателю станет лишним подтверждением нашей мифической любовной связи, и тогда мне точно придется уволиться, чтобы не слышать насмешек за спиной. Несколько не самых близких подруг и приятелей отпадали – они вряд ли приняли бы мою проблему близко к сердцу.

Оставался Ваня, верный друг Алика, а теперь и мой друг. Помнится, он призывал без стеснения звонить в любое время дня и ночи, если потребуется помощь или просто захочется поговорить. Правда... в последнее время наше общение стало будто бы формальным. Ваня исправно, раз в неделю, объявлялся по мессенджеру, дежурно спрашивал, как дела, а в ответ на мои вопросы отделялся вечным «Все в порядке, по-старому» и спешно отключался. Я терялась в догадках, что же означает это «по-старому», и всерьез опасалась, что девушка Вани, она же сестра Алика, снова сорвалась. Несколько лет назад враг их семьи посадил ее на наркотики, и с тех пор борьба со страшной зависимостью шла с переменным успехом. В последние месяцы бедняжка, кажется, пошла на поправку, но что тогда означало странное поведение Вани? И разве я могла тревожить его в столь серьезный момент?

У меня был в запасе еще один вариант – пустить в ход деньги, к которым я пообещала себе никогда не прикасаться. Алик оставил мне внушительную сумму, часть вырученного от продажи его квартиры. Я не могла принять эти деньги и

все рвалась перевести их на счет семьи Алика, но Ваня категорически отказался помогать, заявив, что не пойдет против воли друга и не сообщит мне номер счета его родных. Теперь я могла нанять какого-нибудь именитого адвоката, ведь выйти под залог, будучи подозреваемой в убийстве, мне явно не светило. Стоп... я ведь никого не убивала, а растратить чужие миллионы всегда успею!

Осознав, что придется выбрать из всех зол меньшее, и уже мысленно смиряясь с манифестацией у зарешеченных окон этой каталажки, я занесла палец над номером Аньки. В этот самый момент дверь кабинета резко распахнулась, и на пороге возникла мощная фигура, от размашистых движений которой веяло яростью. Следом семенила какая-то девушка в форме, явно пытавшаяся образумить нарушителя спокойствия.

Он, между тем, вылетел в центр комнаты и с размаху затормозил. Присмотревшись, я ахнула: свирепо скалясь, на меня взирал тот самый громила с берега, хамоватый отец Маши. На нем красовались те же футболка и джинсы – возможно, он тоже провел несколько часов в этом самом здании.

– Все в порядке, – кивнул главный девушке, и та поспешила удалиться, плотно закрыв за собой дверь. – Вы что-то хотели?

Громила помедлил, собираясь с мыслями.

– Да, хотел! На каком основании вы держите ее тут? – Он снова стал говорить обо мне в третьем лице, но на сей раз

мне было не до возмущений. И... неужели в его тоне слышалось искреннее волнение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.